

Ирина КОСОПАЛОВА

г. Архангельск

Глава седьмая

Начальство и сослуживцы не стали заниматься организацией Зоиных похорон: у каждого дела и заботы. Приезд Зоиной матери задерживался, поэтому все печальные хлопоты были на мне. Серафима Петровна выделила мне в помощь еще одну девушку, которая только начала работать у нас в музее, и мы с ней бегали целый день по конторам и магазинам.

Похоронная канитель оказалась на редкость утомительной. Зоя, конечно, не завещала, чтоб ее отпели в церкви, она вообще ничего и не думала завещать, но я была уверена, что таково было бы ее желание, если б каким-то чудом она могла знать свою горькую судьбу и не в силах была бы ничего изменить. Я, ни с кем не советуясь, договорилась об отпевании Зои в церкви. Сергей Наумыч согласился со мной:

— Не знаю, поможет ли это ей, но нам, я думаю, от этого не так горько будет.

Он также помогал мне во всем, искренне сокрушался:

— Не уберегли. Не смогли помочь.

Хотя что сокрушаться? Как мы могли помочь? Кто мог предположить, что так все обернется?

Я все больше убеждалась: все сходится к тому, что Зою просто-напросто убрали, не иначе. Вспоминая мельчайшие подробности роковых дней, я надеялась: а вдруг да я держу в руках ниточку от этого запутанного клубка. Потянуть — и станет ясно, кто же убийца. Я никого в жизни не ненавидела от души, даже своим бывшим мужьям я искренне благодарна за детей и давно им простила и обиды, и прегрешения. Но этого таинственного убийцу я ненавидела до сердечных спазм. Кто же он? Ясно, что не маньяк. Убил ведь не просто так, не по злобе, а с умыслом. Получается, что по вине этого расчетливого подонка я лишилась человека, которого, оказывается, искренне любила и жалела, и вещи, бесконечно мне дорогой. Впрочем, пе-

Окончание.

Начало см. в №3-4, 2018 г.

лена для меня вовсе не вещь. Как жаль, что истинные наши чувства мы осознаем, когда уже слишком поздно, и они так и остаются невысказанными. В суете повседневной истинная теплота как-то никнет, тускнеет. Кажется, главное – дела, заботы, а человек подождет. Еще успеется, не опоздаем ни с добрыми словами, ни с сочувствием, ни с помощью.

Хлопоча по похоронным делам, я разговаривала с людьми, которые равнодушно или с привычным сочувствием выписывали квитанции, отвечали на мои вопросы, и все пыталась в голове выстроить логическую цепочку, вспоминала телефонный звонок, после которого Зоя стремительно и раньше времени умчалась с работы в понедельник. Рисовала я в воображении тихое место в центре города, где она почему-то оказалась, представляла себе, какой была ее смерть.

Вероятно, Зоя ждала кого-то в проходном дворе. Кого? Я во всех деталях воображала картину трагедии. Орудие преступления, машина – «Жигули» шестой модели серого цвета – ясно вставала в моем представлении. Я припомнила, как Ларс Енсен на такой же точно легковушке лихо поворачивал на перекрестках, мчась с приличной скоростью. Енсен! Снова и снова Енсен. Он неотвязно преследовал меня в моих размышлениях и воспоминаниях, хотя я рада была бы не думать о нем и о его машине. Наши с ним разговоры мне также были памяты до последнего слова. Ларс очень интересовался пеленой. Больше из посторонних никто о ней меня не расспрашивал. Зоя хотела мне что-то рассказать, но вот беда – не успела. Не назвала ни одного имени. Но кого-то она подозревала. А может, не просто подозревала, а знала наверняка, кто похититель. Почему же она молчала? Чье имя хотела назвать? Я не решилась поделиться своими мыслями и предположениями ни с кем в музее. В конце концов, мое состояние стало к вечеру до того напряженным и взвинченным, что Наталия Николаевна сказала:

– Да вы, Ангелина Васильевна, наэлектризованы прямо-таки. Того гляди, от вас искры посыплотся. Нельзя так себя доводить.

Единственной возможностью разрешить все сомнения и успокоиться, мне казалось, было встретиться с Ларсом и просто посмотреть ему прямо в глаза. Я почему-то была уверена, что

этого достаточно. Взгляну в глаза и сразу же пойму, можно ли ему доверять. Я не выдержала, позвонила Ларсу и сказала, что нам надо срочно увидаться. Ларс ответил на это после секундной задумчивости. Он вообще все обдумывал, видимо, даже то, купить ли к обеду пельмени или бифштекс, и на все у него были свои резоны.

– Хорошо. Только на этот раз позвольте пригласить вас в гости.

Я согласилась отчего-то сразу, а после короткого телефонного разговора корила себя за поспешность такого решения: «Стоит ли вообще хоть в чем-то полагаться на человека, с которым знакома без году неделя? Что я вообще о нем знаю? Может, и помощь-то мне он предложил, чтобы самому уехать за границу, не вызвав никаких подозрений. Поддерживает якобы в трудных обстоятельствах бедную женщину. Куда как благородно. Да и идти к нему в гости – не опрометчиво ли?»

Короче, я металась между безграничным доверием к Ларсу и ужасными подозрениями на его счет, словно третьего не дано. Вообще-то, мне это несвойственно. Обычно я скорее безрассудно доверчива, чем подозрительна.

Дом, в котором Ларс жил, был старый кооперативный, железные двери в подъездах закрывались на кодовые замки, лампочки на лестнице горели и стены были не изрисованы. Только между вторым и третьим этажами красовалась надпись черным маркером: «Никакой любви на свете нет!» и валялись окурки. Видимо, кому-то не терпелось излить душу.

– Вы тоже так думаете? – спросил с улыбкой Ларс, указывая на это художество, когда мы поднимались по лестнице к нему на четвертый этаж.

– Меня этот вопрос уже не занимает, – ответила я. – Тревожит другое: кажется, мой сын уже так не считает. У него, по-видимому, прямо противоположное мнение.

Квартирка, которую Ларс снимал, была точь-в-точь как моя: одна серия. Он мне рассказал, что ее сдали двое старичков, супружеская пара, а сами переехали жить к дочери. Даже обстановка в его квартире была похожа на ту, что у меня дома. Мебель подороже, зато моя поновее. На журнальном столике царапины от чьих-то когтей, вероятно кота, который, возможно, и не жив уже. На стенах – пятна в тех местах, где раньше висели фотографии или

картины. Обои отгорели неравномерно. Я так и представила на месте этих пятен дешевые репродукции Шишкина или Куинджи, инкрустацию или чеканку работы народных мастеров. На обеденном столе лежала тяжелая вязаная скатерть. Замысловатый узор, какого я нигде не видела раньше. Ручная работа. Серые розетки и синие квадратики с расходящимися полосами. Очевидно, хозяйке пришлось немало покорпеть над работой, прежде чем получилась такая замечательная вещь. Кроме того, в комнате оставались милые мелочи, создающие уют: фарфоровые статуэтки на старом шкафу с книгами, вазочка из чешского стекла на столе. В квартире стоял какой-то въедливый, но не приторный запах, сладковато-кисловатый, как от увядших цветов и домашних пирогов. Каждое жилье хранит свой аромат.

Все вокруг не имело никакого отношения к Енсену и не вязалось никак с обликом преуспевающего менеджера, к тому же иностранца. Только на кресле валялась светлая рубашка, которую он быстро убрал в шкаф. Наверное, ему было грустно каждый день приходиться в этот чужой, в сущности, для него дом. Разговор наш в такой обстановке клеился даже хуже, чем в кафе или в офисе. Мне все казалось, что мы забрели в гости на огонек, а хозяйка вышла ненадолго и вот-вот должны вернуться.

Мы пили чай с вафельным тортом, купленным в супермаркете по дороге, за столом, покрытом чужой скатертью.

— Я так и знал, что вы, Лина, мне позвоните обязательно, — сказал Ларс.

— Почему же? — спросила я.

— Потому что любой разумный человек на вашем месте понял бы, что лучше всего уехать, пока длится это расследование. Неприятности надо переждать подальше от них.

— Для вас это всего лишь неприятности, — ответила я, — а для меня — нет. Да и дело не только во мне.

— А в ком же еще?

— Дети, — развела я руками.

Енсен вновь задумался, как обычно перед выбором. Сказал серьезно и веско:

— Если нельзя оставить твою дочь, мы могли бы ее взять с собой. В туристические поездки детей можно брать бесплатно. Это даже лучше

— она познакомится со мной поближе. Ведь потом, когда мы поженимся, она будет жить с нами. Так?

Я чуть не выронила из рук чашку с чаем от неожиданности:

— Как? Ты делаешь мне предложение?

Даже то, что мы неожиданно и стремительно перешли на ты, меня не удивило. Но от столь быстрого развития событий я оторопела.

Ларс вновь улыбнулся своей ироничной и грустной улыбкой:

— Нет-нет. Сейчас не время. Я это предложение сделаю обязательно, но не в чужой квартире, в других обстоятельствах. Нужно прежде подготовиться.

— Как подготовиться? — не поняла я.

— Помолвка — событие важное. Или у вас не бывает помолвок?

Я посмотрела в глаза Ларсу. В них, холодноватых и сосредоточенных, не было эмоций. Так делают предложение деловому партнеру о продаже партии кильки пряного посола. Похоже, у Ларса и сомнений не было в том, что я непременно соглашусь выйти за него замуж. Условия для меня — выгоднее не придумаешь.

— Пока что речь идет просто о совместной поездке. Я узнавал — есть туры в Италию: Венеция, Рим, Флоренция.

Я молчала. Ларс, не раздражаясь, смотрел куда-то вдаль и ждал ответа. Наконец он спросил:

— Почему же ты молчишь? Ты не хочешь ехать, так?

— Все слишком сложно, — не сразу ответила я. — Означает ли мое согласие, что я готова не только поехать с тобой в Италию, но и выйти за тебя замуж?

— Нет, конечно, — вздохнул Ларс, начиная досадовать на мою непонятливость, — вопрос о том, чтобы выйти замуж, мы оставим на другой раз.

— Если речь идет о тебе, то надо говорить «о женитьбе». И не «на другой раз», а «до другого раза». — Я тут же пожалела о том, что вырвалась эта резкая фраза, и сказала уже мягче, с оттенком извинения: — Мне трудно привыкнуть к тому, как ты говоришь по-русски, и, наверно, невозможно выучить норвежский.

Ларс вежливо спросил:

— Еще чаю?

Я отрицательно покачала головой, он пошел

на кухню, выключил чайник, который давно уже кипел на газовой плите, и заметил:

— Это неправда. Норвежский совсем простой язык, не такой, как русский. Если ты меня будешь поправлять, я скоро перестану делать ошибки. Все это пустяки. Так?

Я кивнула.

— Но ты не ответила на мой вопрос, — настаивал он.

— Что тут говорить, — отозвалась я. — Помолвка действительно событие важное. Женитьба вообще шаг серьезный. Развод тем более. Это нам обоим хорошо известно.

— Зачем о разводе? — спросил Ларс.

— У вас ведь все планируется. Или предусматривается. Если речь идет о свадьбе, значит, должен быть предусмотрен и развод как предохранительный клапан. И все у вас отдельно: семья, секс, любовь.

— У нас? — Ларс нахмурился.

— Ну да, на Западе. Секс — не только не основание для того, чтоб пожениться, но и не повод для знакомства. Читала я в ваших журналах советы. Дескать, чтобы присмотреться друг к другу, достаточно три «дринка». Три приглашения на коктейль или вечеринку в дружеском кругу — и, если нет возражений, переходим к любви.

— О, «дринк» — это по-английски «пить», — сообразил Ларс.

Он всерьез обиделся, хотя виду не подал. Проговорил не вдруг, с усилием, отвернувшись к окну:

— Я так вовсе не думаю. Нельзя судить о человеке только по тому, откуда он и чем он занимается. Везде есть разные люди. Да и мало ли что пишут в журналах. В ваших — тоже. — После неловкой паузы он растерянно улыбнулся: — А я как раз хотел предложить выпить. У меня есть мартини. Очень неплохая.

— Неплохой, — поправила я почти машинально, — ведь мартини — это коктейль.

— Хорошо, я принесу, — Ларс принес мартини и фисташки на закуску, налил по рюмке.

Мартини действительно оказался неплохим. Я молчала, усевшись на диван поудобнее.

— Мне не нравится, что мы все время говорим «наше» — «ваше», «у вас» — «у нас». Я думаю, что так у нас ничего не получится, — сказал Ларс и рассмеялся: — Ну вот, опять «у нас».

На кухне тикали и тикали нелепые старинные

ходики. Только теперь меня почему-то начал раздражать этот звук.

— Я не могу понять, — продолжал он, — что же тебе мешает мне поверить?

Ах, если б я знала ответ на этот вопрос!

— А как же мой сын Саня? — спросила я.

— Он ведь уже взрослый человек.

— Нет, какое там взрослый!

— Значит, ему пора стать взрослым, — уверенно заявил Ларс.

Похоже, он не поверил, что меня могут удивлять на родине заботы о семнадцатилетнем сыне.

— А моя работа? — сказала я.

— Работу можно найти везде, — ответил он.

— Такую — нет.

Я не стала объяснять, что не могу увезти с собой навсегда тот фонд, который призвана хранить день за днем, который стал уже частью меня. И не могу его так просто оставить.

— Наверное, я не прав, — прервал молчание Ларс. — Словам никто не верит. Я тебя даже не поцеловал ни разу. Можно?

Я второй раз за этот вечер посмотрела на него с безграничным удивлением. Такого наивного вопроса, как в позапрошлом веке, я, право, не ждала. Ларс коснулся губами моей щеки:

— Чем пахнут твои волосы? — спросил он.

— Ромашкой, — ответила я, — я полощу их ромашкой.

— Ромашка? — повторил Ларс, — это «любит — не любит»?

Я резко встала и заговорила, многословно и неубедительно о том, что мне с ним хорошо, спокойно и надежно, но есть же у человека корни, есть налаженная жизнь, есть, наконец, обязанности и привычки. Бросить все в одночасье? Ларс обрадовался моей неожиданной горячности и стал рассказывать, какая чудесная жизнь нас ждет, когда мы поженимся. Мы поселимся в небольшом городке в собственном двухэтажном домике. Он мне даже подробно описал, как будет выглядеть и сколько будет стоить такой домик. На его покупку можно будет взять кредит. Ларс не станет больше работать на фирме, откроет частную аудиторскую контору. Много времени он будет посвящать прогулкам по лесу, поездкам по морю на собственном катере, а главное, займется наконец живописью.

— О, я же тебе хотел показать свои работы! —

воскликнул он. — Только я, как это у вас говорят, самоучка. Ты найдешь в них много ошибок, как и в моем русском.

Он торжественно включил люстру, достал из стола и поставил на диване несколько акварелей, без рамок, прикрепленных на листы картона.

Одна акварель была выдержана в холодных голубовато-розовых тонах. Пейзаж. Наша неприветливая, ветренная и холодная северная весна. Редкий в наших широтах солнечный день, когда еще не сошел снег. Только обилие утреннего света, падающего искоса, как у нас водится, и дает понять, что настоящая весна вот-вот наступит. Хмурые ели, дорога, селение вдаль — все как будто мне знакомое и все же неуловимо чужое. На заднем плане — домики с островерхими крышами, каких у нас не строят.

— Там мы и будем жить, — сказал Ларс, указав на селение.

На двух других акварелях тоже была изображена природа северной Норвегии.

— Это недалеко от Тромсе, — пояснил Ларс.

Он подробно рассказал, где именно нашел такие чудесные уголки почти не тронутой природы, и заверил, что все блага цивилизации там есть.

Сказал:

— Со своими друзьями ты всегда сможешь связаться по Интернету, да и приехать из Норвегии в Россию — нет проблем. Это же совсем недалеко. Прямые авиарейсы. А что касается поездки в Италию, то все можно устроить завтра же.

— Нет, — грустно возразила я, — завтра похороны.

Ларс даже испугался:

— Похороны? Какие похороны?

Я напомнила ему о трагической и нелепой смерти Зои. Прийти в зал судмедэкспертизы назначено было в одиннадцать. Вся печальная процедура займет немало времени.

Ларс заметно погрузился и как-то внутренне сжался. Совершенно бесстрастным тоном он выразил сожаление и поинтересовался, не выяснились ли подробности запутанного дела.

— Представляешь, — сказала я, — оказывается, Зою убили. Есть данные.

— Какие данные? — Ларс глядел на меня внимательно, в упор. Я не отвела взгляда.

— Ее сбили «Жигули» шестой модели серого цвета.

— Вот как, — Ларс опустил голову, — и что же? Что-нибудь еще известно?

Я лишь неопределенно пожала плечами.

— Неужели ничего? Неизвестно, кто был за рулем? — продолжал он допытываться.

Я ответила не сразу:

— Кто знает. Найдут убийцу, если уже не нашли.

Ларс долго обдумывал информацию. Наконец сказал:

— Извини. Я понимаю, как тебе сейчас тяжело. Разговор о помолвке я, видимо, начал не в лучшее время. Но мы к нему еще вернемся. Смерть есть смерть. По сравнению с ней все кажется мелким, несерьезным.

Он проводил меня до дому, поцеловал на прощание. Я почти не почувствовала на своей щеке этот поцелуй на ветру.

— До свидания, — сказал Ларс, — завтра... то есть послезавтра, я тебе позвоню. Постарайся не слишком огорчаться, ладно?

Я едва кивнула и поспешила скрыться в подъезде. Не хватало еще мне торчать у дверей с кавалером на поглядение соседкам. Не молоденькая уже.

В ответ на мой звонок за дверью квартиры раздались легкие торопливые шаги вприпрыжку. Это Катюшка. Открыв дверь, она первым делом спросила:

— Это был он?

Я кивнула. Катюшка значительно хмыкнула.

— Знаешь, он мне понравился, — заявила она. Я невольно улыбнулась.

— Как же ты могла рассмотреть его в темноте сквозь занавеску?

— А вот и смогла! Тебе он нравится. Значит, и мне тоже.

Я хотела поцеловать Катерину, но она отстранилась.

— Ты теперь со всеми целуешься, настроение у тебя такое — целовательное. А у нас новости!

Прежде чем спросить про новости, я прошла в комнату. Саня, который стоял там у окна в какой-то напряженной позе, огорчил меня первым неожиданным известием:

— Мам, как ты смотришь на то, что Лиза поживет у нас?

Я оторопела, а потом проговорила, стараясь сохранить невозмутимость:

— Стоп, спокойно. Давай обо всем по порядку.

Саня сказал, что Лиза, видите ли, боится нас стеснить и поэтому решила больше у нас не бывать. Ничего себе логика! Пойми тут, пришла ли Лиза к нам навечно поселиться или она навсегда нас покинула. «Всему виной мой характер, — досадовала я, — мне очень трудно, почти невозможно выговорить «нет». Поэтому-то я избаловала до неприличия своих детей. А тут еще одна забота на мою голову!»

— Видишь ли, — пояснил Саня, — Лиза очень уж привязчивая. Если где-то ей понравится, то она уходит из дорогого ей дома с большим трудом. Прямо такое чувство, что от себя кусочек отрывает. К нам ко всем она может привязаться в два счета. Так что потом ей будет очень сложно нас оставить.

Саня говорил Лизиными словами, это точно. Я напомнила ему, что эта привязчивая Лиза оставила-таки родную мать.

— А ты думаешь почему? — спросил Саня с полной убежденностью в своей и Лизиной правоте, — да потому, что ей стало ясно: рядом с мамой из-за этой проклятой привязанности Лиза потеряет себя. Жить по чужой указке и петь с чужого голоса ни хитростью, ни силой ее не заставишь. А вот из простой любви к матери она могла бы во всем слепо следовать ее советам.

— Так что же? — спросила я.

Саня проговорил с какой-то задумчивой улыбкой:

— Я Лизе сказал: зачем привыкать-отвыкать? Какая глупость, если можно просто не расставаться.

Видимо, я изменилась в лице.

— Да ты не пугайся, — утешил меня Саня. — Не всегда же мы будем тут жить. Я после второго или третьего курса пойду работать, мы с Лизой снимем комнату. Да я и сейчас могу подрабатывать. На компьютерных курсах или переводами. Я уже договорился о временной работе с будущего месяца. Пока что вахтером.

Нет, похоже, астрология как наука имеет право на существование. Иногда события просто-таки пускаются вперед каким-то бешеным аллюром. Не успеваешь за ними уследить. А порою словно погружаешься в стоячую воду. Ничего не происходит. И зависит это не от наших

усилий, а от какого-то неведомого нам плана или предопределения. Словно и в самом деле звезды над головой моей вдруг сложились в какой-то таинственный узор, как в калейдоскопе. Мне, очевидно, в кои-то веки выпал стремительный период в жизни. На всех фронтах прорыв, а я к этому абсолютно не готова. Немного поразмыслив, я пришла к выводу, что в такой ситуации важно выиграть время. Если Саня и Лиза действительно любят друг друга, небольшой тайм-аут, или, как говорили в наше время, проверка чувств, мало что изменит. Коль скоро они не подходят друг другу — лучше в этом убедиться сразу, чем когда отзвучит марш Мендельсона. В том, что дело идет именно к такой развязке, зная характер Сани, я не сомневалась.

Я сознательно увела разговор от скользкой темы. Спросила, ужинали ли Саня и Катюшка. Оказалось, что да. Хотя я уже напилась чаю в гостях у Ларса, все же пришлось попросить Саню пойти поставить чайник, чтобы скрыть свое волнение.

«Спокойно, — твердила я себе, — спокойно. Не надо паниковать. Все хорошо. Все нормально. Все будет еще лучше. Так или иначе, все образуется». Я ведь и сама смолоду была горяча, нетерпелива. Мой первый муж, Санин отец, так увлек меня и покорила своим поэтическим талантом, что я убежала с ним под венец без разрешения и даже без ведома моей мамы. Катин папаша поразил меня этакой удалью безграничной, размахом богатырским. Мог с крыши спуститься по веревке ко мне на балкон, к ужасу бедной мамы, царствие ей небесное. Она никогда не давила на меня, ни на чем не настаивала. Даже советов не давала. Только уже потом, много позднее, призналась, что сразу-таки поняла, что не пара мне ни тот, ни другой мой муженек. «Кто на словах боек — на деле не стоек», — так она приговаривала. И была сто раз права.

Наш с Саней разговор был продолжен после чая, когда Катерина ушла спать.

— Я тоже думаю, что вам с Лизой лучше попристальной присмотреться друг к другу, прежде чем что-то решить окончательно... — начала было я.

— Что решить? — резко спросил Саня, он уже заранее, как видно, приготовился к обороне.

— Любишь ли ты ее? Любит ли тебя она? Вот что важнее всего.

Саня задумался. Я перевела разговор в шутку. Дескать, не думала, что мне придется так рано стать свекровью, но и это бы еще ничего, лишь бы не бабушкой. Пока что я решила как можно скорее познакомиться и наладить добрые отношения с Лизиной матерью. Как мне сказал Саня, она работала режиссером на телевидении.

— В конце концов, скитаться неизвестно где для девушки не дело. Мало ли что, — проговорила я озабоченно. — Кстати, где Лиза сейчас?

— В общежитии, — ответил Саня, — если ее, конечно, не выгнали.

— А если выгнали?

— Тогда, наверное, ночует у себя. Есть ведь у нее жилье. Правда, за него она не платила уже несколько месяцев. Возможно, и оттуда ее попросили.

Словом, веселенькая история.

Нет, решительно утро вечера мудренее. Во всем лучше разобраться на свежую голову, утром, решила я. Однако Саня приберег напоследок и другие новости. Они касались расследования обстоятельств гибели Зои.

Лиза выяснила-таки телефоны Зоиных воздыхателей Андрея Переяславцева, который работал в таможне, и Василия Рогова — протеже тети Зины. Найти следы некоего Олега Семибратова, с которым, по-видимому, Зою связывало давнее, но сильное чувство, к сожалению, не удалось. Елизавета позвонила на службу Андрею и Василию и передала для них информацию о Зоиней гибели и о дне похорон.

— Интересно посмотреть, придут ли они завтра на отпевание и на кладбище, — заметил Саня. — Лиза сказала, что она там будет. Ради этого она отпросилась с занятий.

Сын принялся мыть посуду. Я чувствовала свинцовую усталость и тяжесть во всем теле, и на душе было ужасно тяжело и смутно. Скорбная процедура похорон, предстоящие отпевание и погребение навевали, понятно, самые мрачные мысли. Мне предстояло в этом участвовать, утешать Зоину мать, говорить какие-то приличествующие печальному моменту слова. Я все отчетливей понимала, что нет таких слов и быть не может. Любое сочувствие — это ложь, потому что на дне души, в подсознании, сидит прочно одна мысль: «Какое счастье, что все это произошло не со мной, не у меня, не с моими деть-

ми!» Эгоистическую мыслишку прячешь от других, да и от себя тоже, но все равно вновь и вновь она прорывается. От этого на душе неуютно и тоскливо вдвойне.

— Я так и не понял, — обернувшись ко мне, спросил Саня, — что ты решила?

— О чем ты? — спросила я.

— Да про Лизу же! Можно ей пожить у нас?

— Так это что-то вроде пробного брака? — заметила я.

Саня ответил не задумываясь:

— Да, можно сказать, что так.

К счастью, я смогла успокоиться. Сознание, что все они: Саня, Катерина да и Лиза тоже — живы-здоровы, тихо радовало меня. Все остальное казалось не столь уж важным. Разобраться с этим можно будет потом.

— Спасибо, — сказала я Сане. — Спасибо, что ты никогда ничего от меня не скрываешь. Это главное. Если вы так решили, мое мнение вряд ли что сможет изменить. Ведь ты не стал бы, не будь на то серьезных причин, настаивать, чтобы Лиза жила у нас.

Саня очень удивился тому, что я сказала спасибо. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Улыбка промелькнула на его лице.

— Так, стало быть, ты не против?

— Я не за, не против, — вздохнула я, — решать то вам, а не мне. Но все же я думаю, что, если Лиза будет жить у нас, тебе следует познакомиться с ее мамой. Ведь мама, я думаю, очень волнуется. Кстати, и я с удовольствием с ней познакомлюсь. Это первое...

— Так, — заметил Саня со вздохом, — ты, стало быть, все еще считаешь меня маленьким.

— Почему? — удивилась я.

— Вот ты всегда так, — Саня выглядел обиженным, — если ты что и разрешаешь, то выдвигаешь условия. Чтобы я хорошо учился, слушался и все такое.

Я попыталась сделать строгое и серьезное лицо:

— Да, конечно. Если ваши отношения будут во вред учебе, разбежитесь по разным углам как миленькие. Не хватало еще, чтобы ты завалил первую же сессию, а она не за горами. Лизе тоже необходимо учиться, так что любовь любовью, а прежде всего нужно думать о будущем. И, разумеется, ни о какой свадьбе-женитьбе, ни о каких детях пока речи быть не

может. Оперитесь сначала. И никаких подработорок! По крайней мере — пока.

Саня ответил, что насчет свадьбы они с Лизой и речи не заводили. Он тут же побежал, чтобы сообщить Лизе о нашем разговоре. Сбросил ей на мобильник эсэмэску.

— Напиши, чтоб приезжала, — сказала я, а про себя решила, что с Лизой поговорю отдельно.

На душе у меня, само собой, было беспокойно. То, что моя семья фактически увеличилась на одного человека, меня, разумеется, не радовало. Не ожидала я, что Саня так быстро обзаведется невестой. Конечно, если Лиза считает себя невестой. На некоторое время эти мысли даже заслонили другие, страшные и тревожные, о смерти Зои и завтрашних похоронах. Как в жизни порой совпадают по времени самые невероятные и не совпадающие по сути события!

«Дальше в лес — больше дров», — вздыхала про себя. Ну как тут все бросить и уехать с Ларсом за границу, на время или навсегда? Кругом просто аврал. Не до устройства личной жизни!

Отправив Саню спать, я позвонила Марине, хотя было уже поздно. Ей я могла позвонить в любое время. Только с ней можно было посоветоваться. Узнав новость о том, что Лиза будет теперь жить у нас, Марина долго меня ругала:

— И в кого ты такая! На тебе же все ездят. Теперь еще и эта красавица сядет тебе на шею и ножки свесит. Зачем тебе это надо? — а потом совершенно без перехода, не слушая моих оправданий: — Знаешь, а по-моему, ты права. Скандал устроить и выставить эту цацу всегда можно. Тем более что повод наверняка найдется. Да не в ней дело. Сане-то она, видимо, шибко нравится. Любовь у них. Спекся парень. Тут ничего не поделаешь. А по темным углам встречаться им ни к чему. Дело заглазное. Тут уж не вмещаешься вовремя.

Рассказала я подруге и про свою встречу с Ларсом. Так и почувствовала, как Марина неодобрительно качает головой:

— Ну-ну, смотри сама. Тебе жить — тебе решать. Вот почему, значит, ты добрая такая. Ну не добрая, а понимающая. Да, что и говорить, все мы, бабы, таковы. Скажи слово ласковое — мы и растаяли. Сердце-то не камень.

Марина пообещала обсудить со мной ситуацию при встрече. Я положила трубку. Накрыла одеялом Катюшку. Вечно одеяло слетает с

ее диванчика, поцеловала ее сонную. Зашла к Сане, чтобы выключить свет. Он сладко спал и чему-то улыбался во сне, а выражение лица у него было счастливое-счастливое, как в детстве, когда я разрешала ему, как взрослому и самостоятельному, посмотреть за полночь футбольный матч по телевизору. Видимо, ему снился какой-то очень хороший сон. Отчего-то мне стало так грустно.

Он такой еще маленький, подумалось, а уходит от меня, уходит неизбежно и навсегда. Что ему снится — бог весть. Скорей всего, ко мне его тайные надежды и мечты, воплотившиеся во сне, не имеют уже никакого отношения.

Глава восьмая

На похороны Зои собралось народу наперечет. Были несколько человек из музея, кроме меня, Наталия Николаевна, Сергей Наумыч. Наше начальство, Пал Саныч да Серафима Петровна, пришли в небольшой и мрачный зал при судмедэкспертизе, откуда выносят покойных, на несколько минут и, положив гвоздики на гроб, постояв немного в скорбном молчании, ушли, выразив соболезнование Зоинной матери. Пришли те две Зоины подруги по университету, что заходили в музей раньше, соседка ее по лестничной клетке. Траурной церемонией со знанием дела распоряжалась тетя Зина. Она заранее позаботилась обо всем необходимом, предусмотрела множество мелочей.

Зоя лежала в закрытом гробу, обитом прослой материей и украшенном светлыми рюшками. Тетя Зина не давала присутствующим долго сокрушаться и громко сочувствовать Зоинной матери, которая сидела на стуле у гроба словно безучастная ко всему и только жаловалась, тихо, словно оправдываясь:

— Вот беда-то. Не могла я раньше-то приехать. Обо всем вам пришлось беспокоиться. Спасибо, люди добрые.

Зоина мама кланялась при этом, не вставая с места, каждому, кто подходил к ней. А глаза у нее были такие, что понятно: эта маленькая седоватая женщина в черном платке и заношенном пальто никого не видит и ничего не слышит.

— Не в себе она вроде, — шепнула мне тетя Зи-

на. — Как бы и не понимает пока, что случилось-то. Вот и ладно. Вот и хорошо. А то как выдержат-то такое? Отпевание, поминки... Целый день на ногах. Вы уж будьте около нее. Галина Степановна ее зовут.

Я кивнула.

Тетя Зина, видимо по собственному горькому опыту, знала, насколько тяжелы эти минуты прощания, и из сострадания к Галине Степановне распорядилась, чтоб все поторопились в церковь на отпевание. Когда выносили гроб из обитых железом дверей морга судмедэкспертизы, тетя Зина проворно перевернула стул, на котором сидела Галина Степановна, и заспешила к выходу, чтобы заслонить дорогу. Первыми должны выйти те, кто несет гроб. Все приметы, сопутствующие скорбному ритуалу, были соблюдены. А тетя Зина все повторяла:

— Вот и ладно. Все путем. Все честь по чести.

Едва я вышла на улицу под промозглый мелкий дождик и пронизывающий ветер, как увидела Лизу. Она, торопясь, поднималась по ступенькам крыльца.

— Успела! — воскликнула она, улыбаясь мне. И тут же погрустнела: — Ну как?

Тетя Зина ей приветливо кивнула и вздохнула тяжело. Дескать, что спрашивать. Известное дело — похороны.

— Раньше никак не могла, — оправдывалась шепотом Лиза и, обращаясь ко мне, сказала: — Спасибо! Моя мама вам привет передает. Говорит, что обязательно позвонит на днях.

Я не сразу сообразила, за что Лиза благодарит меня. Даже на похоронах девушка не притворялась, не выглядела ни грустной, ни понурой, ни опечаленной. Только когда ее взгляд остановился на матери Зои — ту под руку вела, а вернее сказать волокла, тетя Зина, — Лиза сморщилась, точно от зубной боли или от досады. На лице ее читалось: «Как это так, именно теперь, когда я так счастлива, есть люди, у которых горе». Лиза принадлежала, по-видимому, к тому редкому разряду эгоистов, для которых всякая несправедливость, любое несовершенство мира умаляли и портили их личное счастье, отравляли их собственную радость. Ей было жизненно необходимо, чтобы все жили, любили и радовались, особенно теперь, когда она влюблена и любима. Вполне возможно, что и на нудный дождь она злилась,

как первоклассник досадует на помарку на чистой странице.

Чтобы добраться всем до церкви, где было назначено отпевание, а потом на кладбище, было достаточно и маленького автобуса-катафалка. Около него, надвинув вязаную шапку на лоб и укутав подбородок в шарф, стоял следователь Олехов. Он, по-видимому, нарочно пришел попозже, чтобы оглядеть небольшую группу людей, собравшихся проводить Зою в последний путь. Заприметить, кто пришел, кто — нет. Олехов встретился со мной взглядом и кивнул в знак приветствия. Я поздоровалась, хотя на похоронах не здороваются.

— Добрый день, — ответил следователь. — Впрочем, какой уж он добрый.

— Вам-то все равно, наверное, — ответила ему Лиза, — ведь вы здесь по долгу службы.

— Отчасти — да, — согласился Олехов. Он посмотрел на часы.

— Что ж, раз задержался, придется ехать на кладбище. Надо же проводить.

— Мы прежде в церковь, — сказала я.

Следователь задумался. Потом решительно поднялся в автобус.

— В церковь так в церковь, — согласился он.

Отпевали Зою не в кафедральном соборе и не в нарядной архиерейской церкви в центре города, неподалеку от бывшего монастырского подворья, а в большом, но пока еще не до конца восстановленном Троицком храме на окраине. От него до городского кладбища было ближе всего.

В храме отреставрирован только один придел, где стояли аналой и скромный иконостас. Почетное место, справа от иконостаса, занимала икона Казанской Богоматери, очень тонкого письма, по-видимому, прошлого или позапрошлого века. Неяркие краски не успели сильно потускнеть, и мастерство живописца было очевидным. Мастеру удалось передать затаенную тихую грусть и ожидание грядущих испытаний в выражении лица и в позе Богоматери. Да, пожалуй, это была именно грусть, а не скорбь.

Галина Степановна вместе с тетей Зиной встали у этой иконы и простояли около нее всю службу, словно под ее защитой. В церкви никого, кроме нас, не было, исключая разве что продавщицу иконок и свечей за невысоким прилавком да двух старушек служитель-

ниц, одна из которых то несуетливо подливала масла в лампадки у икон, то убирала прогоревшие свечи, а другая скромно и благоговейно внимала церковному таинству. Молодой священник вел службу неспешно и вятно. Старушки в лад подтягивали:

— Ве-е-ечная память...

Мать Зои не глядела на гроб и по-прежнему не замечала ничего. Казалось, она задремала с открытыми глазами под мелодичные звуки молитвы. Лицо ее не выражало ничего, кроме отрешенности и какого-то жуткого, безжизненного покоя. О чем она думала и думала ли о чем — бог весть. Тетя Зина крестилась и кланялась, глядя на икону Казанской Богоматери, и шептала:

— Упокой, Господи, со святыми невинно убиенную...

Лиза оглядывала от нечего делать непышное убранство церкви и чувствовала себя здесь вполне свободно, впрочем, как и везде.

— Вы и теперь, когда Зои больше нет, все еще ее подозреваете? — спросила она шепотом Олехова.

Тот не ответил.

— Конечно, — вздохнула Лиза, — ведь иначе вы бы и не пришли сюда. Скорее всего, вы атеист. Я понимаю — работа у вас такая, всех подозревать.

Олехов укоризненно посмотрел на Лизу и продолжал внимательно слушать батюшку, который завершил отпевание небольшой подходящей к случаю проповедью.

Смысл проповеди был таков: все там будем и всех нас на небесах ждет воздаяние за наши хорошие и плохие дела. Коль скоро покойница прожила жизнь достойно и ничем себя не запятнала, нужно уповать на то, что быть ей в раю и всех нас с горних высот она будет благословлять. Безвременная кончина ее не должна нас повергать в беспросветное уныние и отчаяние. Со словами утешения он обратился и к Зоинной матери:

— Крепитесь, мужайтесь и молитесь о дочери. Она, верьте, молит о вас у престола Божьего.

Та словно оттаяла вдруг, покачнувшись, едва не уронив свечу, которую держала в руках во время всей службы, но не заплакала. В церкви, среди тишины и скромного благолепия, запаха хлеба и ладана, вопль отчаяния был бы неуместен. Сдержавшись, она набралась мужества, чтобы выдержать скорбную церемонию до конца. Из

церкви Галина Степановна вышла, уже не опираясь на руку тети Зины.

Мы с Лизой и следователь Олехов покинули церковь последними.

— Я думаю, Зоя стала жертвой. Чего? Кого? — сказал нам Олехов, когда мы сошли с паперти. — Возможно, она просто запуталась. Если ее подставили, то кто? Могла ли она быть виновницей или организатором кражи?

— Нет, — убежденно сказала я.

— Нет, — повторила Лиза.

— Но ведь ее могли просто использовать как отмычку. А потом убрать, — возразил Олехов.

Следователь задумался. К нам подошла тетя Зина, прислушиваясь к нашим толкам.

— А вы кто будете? — строго спросила она Олехова. — Знакомый, что ли, Зоин?

— Знакомый, — ответил он.

— Ну-ну, — проговорила тетя Зина, пристально глядя на него, — что-то я вас не припомню. С учебы Зоинной или с работы?

Олехов ответил неопределенно, дескать, общались они с Зоей по делу.

Тетя Зина дальше расспрашивать не стала и указала на молодого человека в кожаной куртке, который стоял у церковных ворот:

— А вон еще один Зоин дружок.

Завидев нас, молодой человек подошел ближе. Тетя Зина его спросила:

— Что ж ты, Вася, на отпевании-то не был?

Парень стоял в смущении и нерешительности. Голова Василия была не покрыта, но он сделал движение, словно собирался снять шляпу, пригладил густые русые волосы и кивнул в знак приветствия сразу всем, особо поклонившись автобусу-катафалку, куда поднимали гроб. Указав взглядом на фигуру Зоинной матери, в молчании следовавшей за гробом, он спросил у тети Зины шепотом:

— Других-то родственников нет?

Та отрицательно покачала головой и вздохнула:

— Бедная!

Неизвестно, к кому относилось это слово — к покойной Зое или к ее матери. Олехов негромко расспрашивал Василия, давно ли тот познакомился с Зоей, при каких обстоятельствах, что знает о ее неожиданной смерти. Василий отвечал не сразу, взвешивая слова. Видно было, что он вообще человек рассудительный, основа-

тельный и солидный, несмотря на молодость: по-видимому, он Зоин ровесник, не старше.

Пока все неспешно рассаживались, чтобы ехать на кладбище, Василий и следователь Олехов стояли и курили. Василий дымил расхожими импортными сигаретами, а Олехов достал крепкие «Кэмэл». До меня доносились слова Василия: я уже сидела в автобусе у открытого окна.

— Знал-то я ее давно. Года три. Жила она у тети Зины, а я — неподалеку. Встречал ее в магазине, на почте, в поликлинике. Примелькалась вроде. Девчонка она видная. Большеглазая такая, стройненькая... — тут Василий махнул рукой и бросил сигарету. — Была видная. Заприметил я ее. Подошел однажды, ну и разговорились. Слово за слово — так и познакомились. Я сразу смекнул: нескандальная, нешумная. Домовитая. Потом уж стал к ней на квартиру захаживать, тетя Зина меня привечала, все вроде путем шло. Да вот расстались мы с ней. И с тех пор только прощай да здравствуй.

— Почему расстались? — спросил Олехов.

Тетя Зина выглянула из автобуса и крикнула, обращаясь к ним обоим:

— Садитесь, поехали!

Василий ответил:

— Спасибо, только я на своих колесах. Доберусь, — он указал на стоящий рядом «форд».

— А я бы рад, да времени нет, — сказал следователь.

— Что ж, бывайте здоровы, — проговорила тетя Зина, и автобус покатило в сторону объездной дороги и дальше — на кладбище.

Тетя Зина села рядом с Галиной Степановной, матерью Зои. Та молчала и куталась в воротник старого пальто.

— Ничего-ничего, — шепотом говорила тетя Зина. — Пережить надо. Перетерпеть. А там — уж как-нибудь.

— Вот и нет у меня никого, — отвечала Галина Степановна.

И замолчала, погрузившись в забытие. Она словно сквозь сон воспринимала все происходящее. Временами как будто силилась очнуться, но, ужаснувшись неизбежному и непоправимому, вновь цепенела, взгляд ее светлых, как у Зои, глаз не выражал даже усталости.

— Ой, боюсь я, — почти не таясь от Галины Степановны, лишь чуть понизив голос, сказала мне тетя Зина.

Ясно, о ком она — о Зоиной маме. Та и головы не повернула. Сидела — изваяние изваянием. Я кивнула. Лиза взглянула на тетю Зину вопросительно.

— Боюсь, как бы умом она не тронулась, — пояснила тетя Зина ей тихо. — И немудрено.

— А тот-то, что в куртке кожаной, — заговорила она громко, обращаясь к Галине Степановне, — это Зоин бывший жених. Василий зовут. Я его мать и всю его семью знаю. Закавыка, вишь, у них вышла. Поначалу все как водится, все попорядочному. Парень он неплохой. Дошло до дела. В загс он ее позвал, заявление подавать. А она — нет. Не то чтобы подумаю, мол, а наотрез. Я уж к ней тогда и так и этак. Не глупи, говорю. Нынче хороших-то парней — из тысячи один. Она ни в какую. Такая уж нравная.

Галина Степановна не прислушивалась к ее словам. Но чуткая тетя Зина понимала: сейчас с осиротевшей матерью нужно разговаривать, хоть о чем, лишь бы отвлечь от жути и мрака, что скопились в душе. Лиза спросила:

— Почему?

— Да кто вас, девок, разберет. Какого рожна вам надо? Без этой самой любви, а с понятием-то жить куда лучше. Нет, вы так и ищете, как бы себе жизнь испортить.

Вновь повисло неуютное молчание. Тетя Зина спросила меня:

— А тот-то, другой, он кто будет? Настырный уж больно. Все выведывает да выспрашивает.

— Это следователь, — сказала Лиза.

Тетя Зина кивнула. Автобус подъехал к кладбищу. Мы вышли и пошли вдоль центральной аллеи почти до ее противоположного конца, где были свежие могилы. Впрочем, это только так говорится — аллея. Кладбище представляло собой удивительно пустое и неухоженное место. Ни деревьев, ни даже кустов тут не было. Оградки кое-где были порушены и покорежены, а памятники утомляли своим однообразием — бетонные, гранитные, редко мраморные плиты, металлические и деревянные кресты.

Вся процедура заняла совсем немного времени. Опустили гроб в могилу, бросили на его крышку каждый по горсти земли да закидали бурным песком. Вот и все. Была Зоя — остался холмик с веночками да дубовым крестом. На нем даже фотографии Зоиной не было.

Тетя Зина распорядилась:

— Вот и похоронили. Пора идти.

Однако вышла задержка. Галина Степановна вдруг, вместо того чтобы пойти за всеми следом к автобусу, закачалась, как дерево на ветру, и упала прямо на могилу дочери. Поначалу я подумала, что это обморок. Однако Галина Степановна не лишилась чувств. Она просто обмякла и обессилела.

— Вставай-ка, — говорила ей тетя Зина спокойным и вкрадчивым голосом. — Пойдем. Чего уж теперь.

Галина Степановна застонала, как от невыносимой физической боли, и, сдерживая рыдания, издала хлюпающий звук. Это было началом нервного припадка. Так первые крупные капли дождя предвещают ливень. Галина Степановна через секунду зашлась в тяжелом рыдании.

Тетя Зина, как ни странно, вздохнула с видимым облегчением:

— Вот и ладно. Вот и слава богу.

Лиза вновь взглянула на нее с недоумением.

— Хуже нет, когда человек молчит в такое-то время, — пояснила тетя Зина. — Тогда-то с ним все может случиться. Горе без слез — это, милая моя, гроза без дождя. Всегда к большой беде.

А Галина Степановна сквозь рыдания повторяла:

— Это я во всем виновата. Я! Зачем же я тебя отпустила? Зачем? На погибель твою. Как же это я не уберегла-то. Беды-то не почуяла.

— Ну что ты, — склонилась над ней тетя Зина. — Что ты... Дети — они всегда уходят. Их не удержишь. Все лучшей доли ищут. Да только судьбы своей никто не знает.

Зина подняла Галину Степановну, отряхнула ее пальто, взяла ее под руку. Та подчинилась безвольно и позволила себя увести от могилы.

Тетя Зина говорила беспрерывно тихим и вкрадчивым голосом.

— Завтра навестим могилку. Завтра. А сейчас пора. Дождь собирается. Вымокнем. Другого-то пальто ведь у тебя нет. А ну как это не успеет высохнуть-то к завтраму. И сапоги промочишь.

Она разговаривала с Галиной Степановной как с маленькой. Та покорно соглашалась. Простые подробности страшного дня действовали на нее успокаивающе. Каким-то краешком сознания она начала откликаться на происходящее.

За всей этой сценой наблюдал Василий, стоящий поодаль. Он приехал раньше нас на своей

машине. Только когда все пошли прочь, Василий подошел к могиле. Сколько там он стоял в грустном раздумье — никто не видел. На поминках его не было. В кафе, что неподалеку от кладбища, на окраине, за столом, покрытым клеенчатой скатертью, собралось совсем немного человек. Лиза хотела было уйти, но тетя Зина попросила ее остаться.

— Скажешь доброе слово о покойнице, матери-то и полегче будет. Глядишь, от сердца-то и отойдет.

Галину Степановну тетя Зина взяла под опеку, хотя ей самой, наверное, было нелегко.

Поминки и есть поминки. Веселого в них мало. Однако много раз повторенное слово «была» заставляет-таки смириться с мыслью, что нет больше человека. Как водится, каждый сказал, какая Зоя была умница, скромница, красавица, какая добрая, работающая. Слова поперек не скажет, воды не замутит. Как водится, вспоминали разные истории из нашей музейной жизни.

Зашел разговор об обстоятельствах Зоинной смерти. Сошлись на том, что, скорее всего, так и останутся эти обстоятельства до конца не расследованными. Возможно, найдут злосчастную машину, под колесами которой Зоя погибла, и водителя, сидевшего тогда за рулем, но прояснит ли это дело?

— Как божий день ясно: дело-то тут — в пропавшей пелене, — заметила Наталия Николаевна. — Кажется, даже следователь это понимает. Но что он может?

Я возразила: надо все же надеяться на лучший исход, все прояснится.

— Прояснится? — резко бросила Наталия Николаевна. — Это вы так считаете? Погода поздней осенью скорее прояснится, чем это дело. Впрочем, вы-то, Ангелина Васильевна, возможно, развитие событий будете наблюдать из прекрасного далека, потому так спокойны.

— Как? — вырвалось у меня. — Откуда вы взяли? О чем вы?

Лиза тоже насторожилась и уже не спускала больше внимательных, изучающих глаз с Наталии Николаевны. А та с характерной для нее полулыбкой пояснила, обращаясь ко мне:

— Не случайно же вам, милая, звонят на работу разные мужские голоса. Один — с характерным акцентом. Ой и не похоже все это на деловые отношения.

— Откуда вам известно? — только и могла я проговорить.

— Про голос с акцентом мне Зоя говорила. Да и другие поклонники вами регулярно интересуются. Вот хоть Сергей Сергеевич, например. Он даром что на пенсии, а еще орел хоть куда.

Разговор явно принимал не тот оборот. Тетя Зина, во все время поминального обеда не проронившая ни слова, осуждающе покачала головой и сказала со вздохом:

— Не о том вы говорите...

Наумыч тоже упрекнул Наталию Николаевну. Дескать, негоже на поминках — про поклонников. Повод-то для встречи все же скорбный.

— Да я понимаю! — ответила Наталия Николаевна, ничуть не смутившись. — Я всегда все понимаю и никого не сужу. Трудно в наше время без поддержки женщине, без надежного мужского плеча. Я целиком и полностью на стороне тех дам, кто ищет себе женихов через Интернет, разные бюро брачные и конторы. Понимаю... — она красноречиво посмотрела на меня. — И мой совет: представился случай — пользуйтесь им.

Я попыталась разубедить нашего главного хранителя в том, что в моей жизни возможны какие-то перемены, впрочем, без особого успеха.

Так и бывает на поминках: сам собой разговор переходит на нужды, заботы живых людей. Постепенно все стали расходиться.

Мы вышли вместе с Лизой. Она была задумчива и сосредоточенна. На ее безмолвный вопрос я сказала:

— Пойдем на остановку. Будешь у нас жить, раз уж так решено.

Лиза вдруг порывисто меня обняла и воскликнула:

— Я так и знала. Вы все-все понимаете. Вы прямо как моя мама. Она тоже согласилась бы.

— Что ж, — ответила я со вздохом, — придется тебе теперь привыкать к нашему дому и нашим порядкам, а мне — к тому, что у меня — сын и две дочери. Надеюсь, что у вас с Саней все серьезно, а то отвыкать потом очень неприятно.

Лиза радостно заулыбалась и закивала.

Автобуса не было. Стоять в толпе народа на остановке не очень-то приятно, хотя дождь и прошел.

— Да не слушайте вы, что говорит эта дуреха, — заметила Лиза. Имела в виду она, конечно, Наталию Николаевну. — Забудьте!

Стало смеркаться. Загорелись фонари, в свете которых лицо Лизы казалось еще более сосредоточенным. По-видимому, все увиденное на похоронах и поминках только теперь начало прокручиваться в ее сознании вновь и вновь.

— Выходит, этот Енсен очень даже запросто болтал по телефону с Зоей. А может, не только по телефону. Как знать, какие у них были отношения? — спросила она.

Мне стало не по себе. Как можно в чем-то заподозрить Ларса и Зою? Зое я доверяла как себе. А Ларс... Неужели он все рассчитал заранее? Может, и меня он держал как запасной вариант, на случай, если добаться до пелены через Зою не получится? Ну нет, для того, чтобы так притворяться, нужно быть гением, Штирлицем каким-то. Маловероятно, чтобы из-за лицевого шитья, в котором норвежец понимал примерно так же, как я в производстве рыбных консервов, мой поклонник проявил такие чудеса изворотливости.

— Сами понимаете, долго ли обмануть женщину, — продолжала Лиза. — Наговори он Зое красивых слов, пообещай сказочную жизнь за границей — она уши и развесила. Ведь она всегда жила в нужде. Как не соблазниться?

Я ничего не ответила.

— А как вам этот протеже тети Зины, Василий? — спросила Лиза.

— По-видимому, он человек хороший и Зою любил. Хотя они, конечно, не пара. Не похож он на вора. На убийцу — того меньше.

— Нет, — не согласилась Лиза. — Как раз на убийцу-то он похож больше, чем на вора. Что, если он из ревности Зою переехал? «Не доставайся же ты никому!» Подобные случаи в литературе описаны.

Я отмахнулась:

— В литературе-то такое бывает чаще, чем в жизни. И потом у Василия «форд», а не «Жигули».

Лиза хмыкнула, но не нашла, что возразить. Тут подошел автобус, а в тесном салоне пазика говорить об убийстве и краже было не с руки.

Лиза, подумав, возразила:

— Да, но «Жигулей» на свете сколько угодно. Естественно, Василий скорее воспользовался бы чужой машиной, чем своей, если бы действительно собирался убить Зою.

Короче, под подозрением все. У меня голова

шла кругом. А перед глазами стояло перекошенное от отчаяния и невыразимого горя лицо Зоиной матери. Видимо, Лиза тоже не могла забыть тяжелой сцены на кладбище. Ее настойчивое стремление поймать и наказать грабителя и убийцу приобрело твердость гранита. Она готова была видеть вражий оскал в каждом человеке, в отношении которого есть хоть малейшие подозрения. Но это не от природной подозрительности, а от детского нетерпения как можно скорее добраться до истины.

Глава девятая

Лиза, поселившись у нас, удвоила усилия, чтобы раскрыть преступления, в особенности — убийство.

Она на другой же день после похорон Зои наведлась в офис компании «Нордфиш». Благо повод для визита у нее был. Лиза занялась рекламной кампанией рыбных консервов, намереваясь на этом заработать между делом. С Ларсом она перекинулась несколькими фразами. Подозрительным ей показалось то, что Енсен торопил ее с оформлением бумаг, сказал, что скоро, возможно, уедет и хотел бы лично убедиться, что рекламная кампания в газете запущена. Кроме того, Лиза заглянула и в частную автомастерскую, где работал автослесарем Василий. Якобы затем, чтоб прикупить запчасти для «Жигулей» по сходной цене. Позднее Лиза делилась впечатлениями об этой встрече:

— Василий еще тот тип. Смекнул сразу, что я в автозапчастях не волоку, что почем, не знаю. Ей-богу, он пытался мне всучить бросовую железяку втридорога. Вообще-то, интеллект, знаете ли, у парня на лице отражается. В последний раз книжку он открыл в школе еще, готова поручиться. Но малый не промах. И не похоже, чтоб он очень уж был подавлен гибелью Зои.

Лиза разыскивала также и некоего Олега Семибратова, о котором рассказала нам тетя Зина. Однако выйти на его след пока не удалось.

Я предположила, что Олега и искать-то не стоит, ведь, если верить тете Зине, Зоя с ним давным-давно раззнакомилась. Если с автослесарем она жила по соседству и поддерживала отношения, с Андреем из таможни встречалась пусть и не слишком часто, то с Семибратовым, вероят-

но, и не виделась с тех пор, как они расстались. Гордая она была девушка. Измены не простила. Это не в ее характере. Лиза задумалась, поводила взглядом туда-сюда и проговорила:

— Не-ет. Это предположения. Нужна уверенность. Старая любовь, знаете ли, помнится долго. И потом, гордая-то она гордая, а коли уж один раз простила и поверила — простила бы и во второй.

Таким образом, список подозреваемых у нас получился такой: на первом месте, как ни крути, Ларс Енсен, на втором — таможенник и студент-заочник Андрей Переяславцев и, наконец, Олег Семибратов. Мы с Лизой решили, что добраться до Андрея удобнее всего через мою подругу Марину и ее мужа Николая, который — тесен же мир! — знал Андрея по работе. Последнего в списке Олега Семибратова Лиза взяла на себя.

— Есть ли у него алиби, наверное, выяснить будет несложно, — сказала она, — но прежде — Андрей и Енсен.

Толку от меня в расследовании было мало. Случилась новая напасть: на похоронах я неожиданно простудилась. На другой день к вечеру меня колотил озноб, глотать было больно, голова болела ужасно.

Лиза, Саня и Катюшка весь вечер ухаживали за мной: поили теплым молоком с медом, готовили полоскания. Я негодовала на проклятую болезнь, но ничего не могла поделать. Саня позвонил Марине, чтобы посоветоваться, какое лекарство мне дать. Через час Марина была у нас.

Она деловито заглянула мне в рот. Нашла, что у меня не ангина, а сильный ларингит. Распорядилась:

— Лежать! Завтра вызывайте врача на дом. Не хватало еще, чтобы ты достукалась до пневмонии. Я буду приходить делать тебе уколы.

Я взмолилась, что лучше уж таблетки, но Марина слушать меня не стала. Курс антибиотиков мне был обеспечен.

— Хватит над собой издеваться, — вкалывая мне лекарство, убеждала меня Марина. — Отдохни ты по-человечески. Позабудь на время о своих оглоедах. Вот рассосется ситуация — поезжай куда-нибудь.

— Есть такая возможность, — сказала я после неприятной процедуры. — Могу в Италию, например, прошвырнуться.

Марина села на край моей кровати, отложив шприц:

— В Италию? Да ты что! Вот и поезжай. Для себя нужно жить. Для себя! Двоих нахлебников тебе мало? Господи, впервые вижу такую идиотку! Эта-то крапива колючая, фря длинноногая тебе зачем? Она что, все время теперь тут жить будет?

Марина имела в виду, понятное дело, Лизу. Я не ответила на такой выпад, а подруга продолжала, понизив голос:

— Саня-то тебя, может, и пожалеет, как-никак сын родной. Помяни мое слово. А его красавице ты кто? Она о себе думает. И, чуёт мое сердце, себя еще покажет!

Я села, обхватив голову руками, и простонала:

— Ой, Марина, не сыпь мне соль на рану! Сердце и так не на месте. И денег нет. Зарплату задерживают, а за квартиру за два месяца не заплачено. Что делать?

Марина развела руками. Я шепотом, чтоб не слышали ребята в большой комнате, сказала:

— Ну, сама посуды: выгони я ее — ведь и Саня уйдет. Что дальше?

Марина задумалась, покачала головой и вздохнула:

— Да, ситуация... Я бы на твоём месте рвала и метала. Искры бы из глаз у меня сыпались. Ох, не поздоровилось бы этой сладкой парочке! А ты — ничего. Даже давление нормальное. И что за девчонки теперь пошли. Развязные, бесстыжие. Сами на шею парням так и вешаются.

Это она, понятно, опять о Лизе.

Марина, перегорев немного, задумалась, вздохнула:

— А знаешь, чему быть — того не миновать. Это еще не конец света. И в самом деле, куда они пойдут? Так что не горюй. Вот у моей соседки дочь — наркоманка, а у другой знакомой сына убили. Вот это — горе.

Я убеждала Марину и, главное, себя, что все со временем как-то утрясется. Подруга, понизив голос, проговорила:

— А знаешь, на эту-то пигалицу управу найти можно. Я заметила. Она с виду ершистая, а сама-то тебя вроде как побаивается. Да беда-то в том, что безответная ты! Ты ей спуску не давай. И по хозяйству побольше нагружай, чтоб не жила тут нахлебницей.

Марина, разумеется, не забыла фразы, оброненной мною про поездку в Италию, расспросила обо всем подробно, не сразу поверила моему рассказу.

— Что ты говоришь? — всплеснула она руками. — Неужели этот Енсен всерьез предложил тебе выйти за него замуж? Ты будешь жить в Норвегии? Не может быть!

Я не стала ее уверять ни в чем.

— Конечно, — Марина встала, — кто ж тебя на ум наставит, как не я? Надо пойти выпить корвалола, а то я не успокоюсь. Дам и тебе успокоительного. А ты расскажешь, что да как.

Она направилась на кухню хозяйничать. Я прикрыла глаза и лежала без всяких мыслей и волнений, пока не почувствовала горьковатый запах успокоительного чая. Марина заваривает его из валерьянки, пустырника, полыни и еще каких-то трав. С медом это горькое пойло не только сносное, но даже приятное на вкус. Слегка пахнет баней и аптекой. Я пошла на кухню пить снадобье. Марина налила мне лечебного чаю. Сама уселась напротив, как всегда со значительным и серьезным выражением на лице. Она выспросила все подробности моего недавнего разговора с Ларсом Енсенем. Поминутно качала головой и восклицала:

— Неужели же и ты дождалась? Неужто ж повезло и вправду?

Смешно всплескивала руками и переспрашивала:

— Что ж, он прямо так и сказал? А ты? А он?

Когда я ситуацию описала во всех деталях, Марина посмотрела на меня лукаво и недоверчиво:

— Нет, ты мне скажи как на духу, неужели между вами так-таки ничего и не было?

Я обиделась:

— Чего ради мне от тебя скрывать-то? Если бы было, я бы сказала. Ну, поцеловал он меня, да и то так, на прощание.

Марина задумалась. Налила и себе успокоительного чаю. Потом проговорила:

— Иностранец, а поди ж ты...

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Ничего. Хороший человек, выходит. Или...

— Что — или?

Марина хмыкнула:

— Что-что. Вот у нас в отделении медсестра есть. Таня. Тоже зароманила с одним. Друг называется! Он на нее только любовался, руками не трогал. Танька все умилялась, ах как он к ней хорошо относится, не то что другие охальники. Натерпелась девка по молодости лет от

мужского-то пола. А потом стороной она проведала, что не до любви этому кавалеру вовсе. На учете стоит голубчик у врача. Лечится. С женщиной-то он сроду справиться не может. А Татьяну обхаживал так, для видимости. Чтоб, значит, другим показать, что и он по мужчинской части не лыком шит.

Я возмутилась. Заговорила на повышенных тонах. Какие основания у Марины говорить о порядочном человеке всякие гадости? Какое ей вообще дело до наших с Ларсом отношений? Вот захочу уехать в Норвегию — и уеду!

— Поезжай! — так же громко и горячо отвечала Марина. — Я что? Тому же рада. Норвежцы те же люди. Не негры какие-нибудь. И не террористы исламские. А ты с любым уживешься. Был бы человек хороший. Только два раза у тебя в жизни промашка вышла с замужеством. Что как и третьего не миновать?

Мне стало стыдно за свои слова. Марина всегда желала мне только добра. А завидовать она вообще не умела. Меж тем она продолжала рассуждать. С мужиками, дескать, вообще нужно действовать с оглядкой и с умом. А тут тем более. Это только джинсы импортные наверняка лучше, чем наши самостройки, да и то если джинсы не китайские. К иностранцу нужен особый подход.

Марина разложила все по полочкам и быстро объяснила мне, что значит действовать с умом. Во-первых, упускать из виду одинокой женщине стоящего мужика ни в коем случае нельзя. Соглашаться надо на все. Отказаться-то можно в любой момент и под любым предлогом.

Намечающаяся поездка в Италию — хороший предлог для того, чтобы мне наведаться на профосмотр в поликлинику. Ларса, разумеется, нужно деликатненько убедить последовать этому примеру. Это легко. Иностранцы очень следят за здоровьем, так что наведаться к врачам, чтоб не тратить в Италии денег и времени на лечение в случае чего, для них — шаг разумный. Так можно осторожно выведать, как обстоят дела у Ларса со здоровьем. Это важно! Марина задумалась и неожиданно сказала:

— Нет худа без добра. История с наездом и кражей тоже повод для проверки Енсена.

— Как так? — удивилась я.

— А так. Ты сообщи-ка этому дошлому следователю про свои шуры-муры с иностранцем.

Пусть органы компетентные проверят его досконально. Если он в чем-то замешан, пусть это и не имеет отношения к твоей пропавшей музейной диковинке, — все выяснится. Во всяком случае, посмотрят на просвет твоего Енсена: и бизнес его, и личные связи. А ты-то не будь глупа у следователя все и выпросишь.

Я засомневалась.

— Нет, так нельзя, — сказала я наконец. — По мне так: если уж верить так верить.

Марина меня перебила:

— Вот-вот, именно поэтому ты и осталась одна. Безоглядная ты, доверчивая. Вспомни Зою. Ты же мне говорила, что если она в чем и виновата, то только в наивности своей и доверчивости.

Мне нечего было возразить. А Марина строго спросила.

— Ты мне скажи положи руку на сердце, веришь ли ты на сто процентов, что Енсен твой к смерти Зои не имеет никакого отношения?

— Верю, — ответила я не слишком громко и уверенно.

— А основания? — спросила Марина.

— А презумпция невинности, — пролепетала я.

— К черту презумпцию невинности. Ты ведь за него замуж собралась. А в этом случае в человеке нужно быть уверенной как в себе самой. Я за своего Николая только тогда вышла, когда он ради меня по аптекам бегал и лекарства мне от гриппа искал. Я ведь тогда Серегой беременна была, мне что попало пить было нельзя, а рвало — спасу не было.

— Так, стало быть, ты вовсе не из-за ребенка замуж пошла? — удивилась я.

— Конечно. Для ребенка лучше совсем без отца расти, чем при непутевом отце.

Марина еще долго рассуждала о женской доверчивости и мужском коварстве и легкомыслии, долго мне внушала, что выйти замуж не напасть, как бы после не пропасть. Потом села, пригорюнившись, и вздохнула:

— Вот и ты своего счастья дождалась. Уедешь за тридевять земель и забудешь обо мне. Да я не сетую, лишь бы у тебя все было хорошо, а то ведь смотреть больно и досадно, как ты одна мыкаешься. Живешь короткими перебежками — от зарплаты до зарплаты.

Как выяснилось из дальнейшего нашего раз-

говора, Андрея Переяславцева, Зоиного знакомого, Марина знала, но плохо. Видела несколько раз на вечеринках, но близко с ним не общалась. «Фартовый парень, — охарактеризовала она его. — Компанейский. Одевается по моде, пахнет не самым дешевым парфюмом. В компании — миляга и остролов. Шутками-прибаутками сыплет. Видно, что до девок лих».

— Откуда это тебе известно? — спросила я.

— Видно сокола по полету, — ответила Марина.

Мы с ней решили так. Я вызову завтра врача и поболею недельку в свое удовольствие. За это время Марина через мужа Николая мне устроит встречу с этим жуиром и ловеласом Андреем. Она придумала предлог. Руки-то у парня, слыхала она, золотые. Вот и попытается моя закадычная подруга залучить его ко мне, чтоб починить телевизор, который уже второй месяц не показывает.

— И то дело! — рассудила Марина. — Сейчас телек отремонтировать стоит недешево, а Андрей этот, если Николай попросит, скидку сделает, с Николаем-то они не то чтобы в дружбе, а так, приятельствуют.

Я спросила, есть ли у Андрея машина. Выяснилось, что есть. И как раз шестая модель «Жигулей». Правда, он в непогодь, по осени, на ней не ездит, бережет. До работы ему — рукой подать, да и таможенники в общественном транспорте бесплатно по удостоверениям катаются.

Мы с Мариной, как обычно, засиделись на кухне допоздна. Саня и Лиза улеглись. Свет в их комнате погас.

— Нет на них удержу, — вздохнула Марина. — Господи, и куда торопятся? Хомут на свою же шею надеть? Если б только на свою — на твою тоже.

В дверях появилась неприкаянная Катюшка. Она слушала наши рассуждения внимательно и серьезно. Попросила растолковать ей, что такое хомут и зачем он мне нужен.

— В том-то и дело, что ни зачем, — ответила Марина.

Я распорядилась, чтобы Катерина немедленно шла спать. Она не послушалась, пока я ее не уложила, не поцеловала на ночь.

— Мама, а Саня и Лиза поженились, да? — спросила она.

— Нет, — ответила я, — спи.

— Я тоже им говорю, что все это неправильно.

— Что неправильно?

— Когда люди женятся, бывает свадьба. Ведь правда?

— Правда-правда.

Мне пришлось растолковать Катюшке, что, даст бог, Лиза и Саня присмотрятся друг к другу, поймут, что не могут друг без друга жить, — тогда и будет свадьба.

— А пока вроде как не по-правдошному? — спросила Катерина. — Чтобы если вдруг не получится — не считалось бы вовсе? А ты, мама, замуж выйдешь по-правдошному? А я, когда вырасту, — по-правдошному выйду?

Я уверила Катерину, что непременно по-правдошному. Выйдет она замуж за кого хочет. И будет у нее дочка. И она тоже выйдет замуж в свой срок. Так и будет продолжаться до бесконечности. Катерина серьезно сказала:

— А как же иначе? Ведь если детей не будет, то и жить-то потом будет некому. Представляешь, какой ужас.

Она заснула, улыбаясь, совершенно счастливая. Катюшка вообще засыпала как подстреленная, моментально.

Тем временем за Мариной приехал Николай. Они отправились домой, на прощание подруга сказала мне:

— А ты все же скажи следователю про Енсена. Хуже не будет.

Проводив гостей, я долго не могла уснуть. Мешали спать не только жгучая боль в горле и сердцебиение, но и неотвязные мысли о том, что же мне делать дальше, как жить. Все казалось таким сложным и запутанным. Енсен. Зоя. Пропажа пелены. И все же у меня было такое чувство, словно разгадка где-то здесь, неподалеку, и можно напряжением воли и ума найти ответ. Тусклое и нудное чувство тоски и растерянности, от которого сосало под ложечкой и становилось тяжело на душе, растворялось, уходило куда-то.

Мало-помалу лекарства начали действовать, меня стали одолевать болезненная слабость и вялость. Ноги сделались ватными, а голова просто-напросто перестала соображать. Я заснула с мыслью, что завтра мне никуда не надо торопиться. Вызову врача и поболею в свое удовольствие.

Глава десятая

Врач нашла, что я в двух шагах от тяжелого бронхита или даже воспаления легких, выписала мне антибиотики и массу других лекарств и велела лежать. Видимо, она была права. Голова моя гудела, и мутило ужасно. Катерину в детсад отвел Саня. Лиза осталась дома, она подавала мне питье, лекарства и настаивала, чтобы я не вставала с постели и не волновалась ни о чем.

— Какая у вас замечательная дочь, — сказала врач. — Моя в десятом классе учится. Помощи от нее не дождешься.

Врач приняла за мою дочь Лизу, оставила ей кипу рецептов и дала мне кучу наставлений, а вообще-то заверила, что простуда — дело обычное, даст бог, через полторы-две недели я поправлюсь.

Мне оставалось только негодовать на себя. Я почему-то обладала пренеприятной особенностью: заболела, причем всерьез, в самые ответственные моменты. В университете все сложные экзамены я сдавала или с большим горлом, или с диким кашлем, а диплом защищала с затяжным бронхитом. Однако во всех этих пиковых случаях я получала «отлично». У меня было такое чувство, что и теперь мне предстоит нелегкий экзамен.

Лиза затеяла довести до конца расследование не оставила. Однако она сказала мне:

— К следователю я сегодня же наведу. И к господину Енсену тоже, раз уж мы с ним сотрудничаем. Конечно, про Енсена я ничего следователю не скажу. Вы сами расскажете.

— Ты думаешь, что стоит рассказать? — спросила я.

Лиза кивнула. Я задумалась: случайно ли у Лизы и Марины мысли сходятся или Лиза краем уха слышала наш с Мариной разговор? Как бы то ни было, коли двое говорят, что ты пьян, — не спорь, а пойди проспись. Я с сомнением пожалала плечами, но Лиза твердо проговорила:

— Если Енсен ни в чем не виноват, ему и бояться нечего, — и посмотрела на меня — я поняла по взгляду: этот человек для нее под большим подозрением.

Еще один подозреваемый Андрей Переяславцев пришел ко мне под вечер. По просьбе Нико-

лая он согласился отремонтировать телевизор. Андрей оказался высоким парнем лет двадцати пяти, не без претензии на импозантность. Одет он был дорого и со вкусом, держался раскованно и просто. Он приветствовал меня как давнюю приятельницу, причем сверстницу.

— Здорово живете!

Прежде чем приняться за починку телевизора, Андрей выпил на кухне предложенного мною чаю, рассказал, какие замечательные люди Марина и Николай и как он готов ради них расстараться. Потом спросил:

— Одна живешь-то?

— Нет, почему же, — ответила я, слегка обескураженная обращением на «ты».

— Семья? Дети?

— Дети? Да.

Я предложила еще чаю и поинтересовалась:

— А вы, я слышала, не женаты?

— Да. Только в одиночестве свободен человек, — усмехнулся Андрей, отказавшись еще от чашки, — это сказал...

— Дон Кихот, — в тон ему сказала я. — Он говорил: «Запомни, друг Санчо, только в одиночестве свободен человек». Но вы не похожи на Дон Кихота.

Андрей засмеялся. Смех у него был звучный, не смешок в кулак, не хихиканье.

— Ну да, конечно. Мне Марина говорила, что вы продвинутая. Филолог, диссертацию защитили, — он все же решил обращаться ко мне на «вы» и несколько сбавил тон.

— Нет, я не филолог, а историк, и диссертацию не защитила и вряд ли когда сподоблюсь,

Я пожалела о том, что разговор сошел с нужной мне колеи. Обсуждать тему моей похороненной за недостатком времени диссертации или читать лекцию по истории в мои планы не входило, но Андрей обрадовался: он ведь тоже в некотором роде историк. Учится заочно на историческом факультете. Правда, как он сказал, история эта ему лично интересна постольку, поскольку до зарезу нужны корочки. Без этого по службе продвижения нет. На юридический поступить не удалось, пришлось идти на исторический.

— Так вы карьерист? — не удержалась я от иронии.

— О, чего-чего про меня только не говорят: карьерист я, трепло, бабник, эгоист. Деньги люблю, женщин ценю и уважаю.

По-видимому, Андрей был из породы обаяшек, которые могут себе позволить открыто говорить о собственных недостатках, потому что недостатки эти даже обаятельней достоинств.

— Намек поняла, — в том же ироничном тоне отозвалась я. — Ремонт телевизора, по-видимому, будет стоить недешево.

— Договоримся, — ответил Андрей. — И я намек понял. Иду ремонтировать телевизор.

О Зое разговор так и не зашел. Андрей занялся нашим старым телевизором, который, как он сказал, давно пора выбросить на помойку. Через четверть часа мастер определил неисправность:

— Ничего. Наладим. Только без гарантии. Долго ли прослужит, не знаю. Надо новый ящик присматривать, хозяйка.

За работой Андрей хвалился, что, несмотря на его карьеризм и эгоизм, «руки у него из того места растут».

— А работаете вы вместе с Николаем? — спросила я.

— Нет, он в отделе таможенного оформления, а я — в аэропорту.

— Стало быть, вы контрабандистов ловите? — уточнила я.

— Приходится.

— Многих поймали?

— Да не то чтобы многих, а случается. Места знать надо.

— А я работаю в музее изобразительных искусств, — сказала я.

Андрей вперил в меня взгляд и присвистнул:

— Вот дела. Зою Березину вы, выходит, знали?

— Знала, — ответила я.

Андрей погрузился и задумался.

— Да, жил-жил человек, и вдруг такая нелепая случайная смерть. Все мы, выходит, знакомы. Или знакомые знакомых.

Наверное, он все же заподозрил, что этот его визит к неизвестной ему женщине связан с гибелью Зои.

— А вы ее откуда знали? — спросила я.

Андрей бросил копаться в телеящике. Отложил инструменты.

— Сейчас посмотрим, как будет работать, — сказал он, прилаживая заднюю панель.

Телевизор работал исправно.

— По университету я ее знал, — пояснил Андрей, настраивая изображение и переключая программы, — мы ведь с ней на одном курсе учи-

лись. Вместе на лекциях сидели, вместе экзамены сдавали. Она старательная была.

Я кивнула.

— Помнится, вы Зое звонили на работу? Или я вас с кем-то путаю.

— Может, и так, — неопределенно заметил Андрей. — Жаль девочку.

Я про себя отметила, что он, без сомнения, переживет Зоину смерть легко. Если б я не заговорила об этом печальном событии, он, возможно, так и не вспомнил бы о нем никогда.

— Тем не менее вы на похороны не пришли, — возразила я.

— Дела, — развел руками Андрей. — Служба.

— Зою убили.

Эти мои слова огорошили Андрея. Если, конечно, он не изобразил удивление, весьма натурально, между прочим. Он присвистнул и воскликнул:

— Что вы говорите? Нет, быть не может!

— Судите сами, — ответила я.

И я рассказала ему, что знала о пропаже пелены и о том, как Зоя погибла под колесами машины. Андрей соображал быстро.

— Понимаю, — сказал он, — наша встреча далеко не случайна, вы вышли на меня. Стало быть, вы знаете, что Зоя мне нравилась.

— Она отвечала вам взаимностью?

Андрей хмыкнул и развел руками. По-видимому, сама мысль, что женщина может не быть благосклонной к нему, такому рубахе-парню, показалась ему вздорной. Ответил осторожно, подбирая слова:

— Так, серединка на половинку, Зоя меня не гнала, но и не вешалась на шею. Мне это нравилось. Умная она. Была. По пустякам не возбуждала, не ревновала, как другие, а помочь попросту, по-житейски, по-дружески могла. Если хотите знать, из таких-то хорошие жены и получаются. Но в последнее время, месяца полтора, мы с ней почти не виделись. То я был занят. Командировка, ремонт дома затеял — да мало ли. А потом она словно в подполье ушла. Все некогда ей было. У меня как на грех загвоздка с курсовой. Хотел ее о помощи попросить, но она даже по телефону толком со мной поговорить не удосужилась.

— Почему? — поинтересовалась я.

— Да она то нездоровьем отговорится, то делами. Впрочем, возможно, она и в самом деле была занята. Жизнь-то у всех суматошная.

Я посмотрела на Андрея пристально и серьезно. Он поймал мой взгляд. Бросил раздраженно и обиженно:

— Да правду я говорю. Я тут ни при чем. Если хотите знать, в то время, когда Зоя погибла, был на работе. Это легко проверить.

— А откуда вы знаете, когда Зоя погибла? — спросила я.

— Я не знаю, — он вдруг замялся. — То есть я не знаю точно, в какой именно день это случилось, но полторы последние недели я с утра и допоздна был на службе. Дел навалилось невпроворот. Оттого-то сегодня я и смог взять отгул.

Он еще что-то объяснял, маловразумительно и длинно, про особенности работы в таможене, там-де в связи с проверками и прочими сложностями бывают авралы и день рабочий ненормирован. Говорил о том, как он сожалеет о гибели Зои. А потом без всякого перехода сказал:

— Есть один железный принцип в жизни: ты — мне, я — тебе. Контрольная эта из ума нейдет. Зашиваюсь! Помогите, а? И тема-то несложная, раз плюнуть: по Смутному времени. Про освободительное движение и формирование государственности.

В его речи появились просительные, вкрадчивые интонации. «Так, значит, ты — мне, я — тебе», — подумала я раздраженно. От раздражения и усталости головная боль усилилась. Историк тоже мне! Тянут этих заочников из всех сил, а зачем? Ну зачем этому примитивному, в сущности, типу со счастливой внешностью и неумной предприимчивостью знать историю, для чего ему Смутное время? Только для того, чтоб на работе не сократили или зарплату прибавили? Ради этого он и готов хлопотать о курсовой работе, про что — ему все равно, хоть про призвание Михаила Романова на царство, хоть про инопланетян. Андрей истолковал мое молчание как замешательство.

— О цене договоримся, — сказал он. — И не обязательно, чтоб все было на уровне диссертации. Достаточно, чтоб с рук сошло. Идет?

Я решила с ним не спорить. Зачем? Просто откажусь наотрез, он найдет другого автора для курсовой, а потом и для дипломной работы.

— Я очень плохо себя чувствую, — сказала я, покашливая, — не могу.

Андрей понимающе кивнул. Спросил:

— Может, тогда кого порекомендуете. Нужно до зарезу. И главное — срочно.

— Нет, — я вновь закашлялась, — среди моих знакомых не так много людей, которые исповедуют этот принцип: ты — мне, я — тебе. И, кроме того, дел у них много...

— Понятно, — явно обиделся Андрей, — не хотите помочь, за деньги, между прочим, так и скажите. А то вы словно черту провели. Дескать, мы элита, интеллигенция научная, а я так — недоучка. Но, помяните мое слово, кто-то из вас, из элиты, и ту штуковину музейную свистнул, а потом и Зою убил. Ведь действовал-то наверняка знающий человек, во всяком случае — не с улицы.

Я мысленно согласилась с доводами Андрея, а он продолжал:

— Нет, конечно, я не святой. Но на такие дела не пойду. Из простого расчета. Хлопот не оберешься, а куда потом эту пелену-то девать?

Разговор на меня производил все более и более тягостное впечатление. Крепла уверенность: преступники или преступник где-то рядом. От сознания, что я его, вероятно, хорошо знаю и, возможно, не раз с ним встречалась по-дружески или по делу и он пожимал мне руку, стало не по себе. Андрей это заметил, спросил озабоченно:

— Вам нехорошо?

— Нет-нет, — сказала я, — ничего. Сколько я вам должна за ремонт телевизора?

Андрей не постеснялся заломить цену без всяких скидок. Я без возражений расплатилась.

На прощание гость сообщил мне:

— Была ориентировка у нас, в таможене, насчет этой пелены. Так что я знаю, как она выглядит. Меня даже обязали взять это дело под особый контроль, раз уж я учусь на историческом. Я буду держать вас в курсе, если вдруг по нашей линии что всплывет. Таможня, знаете, — не последняя спица в колеснице.

А я не удержалась от колкости:

— То, что вы учитесь на историческом, по-моему, сильно сказано. Не учитесь, а так, время отбываете. Пишите-ка курсовые сами. И тогда я буду чуточку спокойнее за работу наших доблестных таможенных органов.

Понятно, что расстались мы отнюдь не лучшими друзьями, но, полагаю, этот молодой человек испытывал ко мне большую неприязнь,

чем я к нему. И при этом он предложил мне помощь. Зачем? Вдруг да он просто решил держать меня в поле зрения. Ведь не доказано, что Андрей непричастен ни к краже, ни к убийству? Во всяком случае, подавленным гибелью Зои он не выглядит. Василий, как мне показалось, напротив, искренне переживал случившееся.

Проверить, есть ли у Андрея алиби, не составляло, впрочем, большого труда. Я позвонила Николаю и попросила его узнать, действительно ли Андрей был на работе в тот день и час, когда погибла Зоя. Николай перезвонил мне уже через полчаса. По его сведениям, подтвержденным едва ли не всеми сотрудниками отдела, где работал Андрей, тот с пяти до шести в тот злополучный день сидел на рабочем месте как пришитый, разбираясь с документами. Он даже чай пил наскоро, за рабочим столом, потому что каждая минута из-за внеплановой проверки отдела была ему дорога.

Стало быть, Андрей не соврал. И проверка, запарка с делами — все это правда. Но чем объяснить внезапное охлаждение в отношениях Андрея и Зои? Почему она в последние полторы-две недели избегала встречи с ним? И избегала ли? Впрочем, зачем ломать голову. Вероятнее всего, Андрей был просто Зое не совсем по нраву. Такой человек на какое-то время может увлечь, хотя бы потому, что любой женщине лестно его внимание, приятно появиться с ним под руку на вечеринке. Но потом Зоя, скорее всего, должна была понять, что они друг другу не подходят. Она вообще была не из тех, кто громко мирится и ссорится, оповещает о перемене в своих сердечных чувствах и жизненных обстоятельствах всех вокруг. Нет, она предпочитала обходиться без эффектных сцен и выяснения отношений. Чаще, если уж назревал разрыв и решительное объяснение, она просто ждала, когда отношения прекратятся сами собой, по инерции. Так, предположила я, было и на этот раз.

Лиза, разумеется, времени даром не теряла. Она успела разместить рекламу фирмы «Нордфиш» в газетах. В одной из них красовался рекламный модуль с изображением пушистой кошечки, которая облизывалась, глядя с воодушевлением на раскрытую банку сардинок. «Консервы «Нордфиш» с удовольствием съем. По карману любому, по вкусу всем!» — так гласила надпись. В бесплатной рекламной газетенке и в журнале

для оптовиков появилась подробная информация, какие консервы почему. А в молодежной газете, где Лиза постоянно сотрудничала, я вдруг увидела портрет Ларса Енсена и рекламное интервью с ним, в котором на все лады, но доказательно и подробно расхваливалась продукция «Нордфиш» и говорилось о перспективах развития предприятия. Интервью, как и все остальное, было делом рук Лизы.

— А еще, — сказала она, — я договорилась с доцентом, специалистом по гигиене питания. Он даст интервью о том, что и кому полезно есть. Это прочитают наверняка. Между делом доцент упомянет о пользе рыбных консервов, в которых так много фосфора и совсем нет химических добавок.

— И доцент согласился? — удивилась я.

— Еще бы. Ведь он издает популярную брошюру в издательстве медуниверситета. Для него это интервью — бесплатная реклама книжонки. Получается: ты — мне, я — тебе. Да и деньги от рыбной кампании он получит приличные.

Я огорчилась, услышав это:

— Как быстро вы, молодые, находите ходы и выходы.

— Да, — не без удовлетворения заметила Лиза. — К любому человеку можно найти подход. А этот ваш Енсен не только в бизнесе дока, он и в других вещах человек не серый.

— В каких это вещах? — спросила я.

— Завела с ним речь об искусстве, — пояснила Лиза, — ничего, сечет. И вкус у него есть, и чувство юмора. Нормальный мужик! Я бы за такого замуж пошла.

— Значит, за Саню ты замуж не собираешься? — спросила я.

Лиза задумалась и притворно вздохнула:

— Придется, видимо, за Саню. Сердцу ведь не прикажешь.

Я оторопела. Подсознательно я ждала известия, которое повергнет меня в полное замешательство. Но чтоб так сразу? О нет, только не это!

Лиза все читала по моему лицу. Взглянув на меня, она расхохоталась до икоты и воскликнула:

— Да нет же, я, конечно, ненормальная, но не настолько, чтобы так вот, с бухты-барухты, замуж, тем более — ребенка заводить. С этим мы подождем. Но у меня такое грустное ощущение, что все идет к этому.

Я перевела дух:

— Вот и хорошо.

Лиза стала вдруг неожиданно серьезной.

— Чего хорошего. Ни у меня, ни у него — за душой ничего. Ну, подзаработала я малость, — она кивнула на газетные материалы, — так ведь это крохи. Хотите совет? Выходить замуж надо по расчету.

Нет, определенно Лиза такой человек, что от нее голова пойдет кругом! Говорит она одно, думает совершенно другое, а делает третье. И не по злобе или безрассудству. Просто заносит ее на крутых поворотах так, что она и сама не знает, как руль крутануть придется. Она способна и на редкое бескорыстие, и великодушие, и на чудовищную ошибку. Очевидно, из-за того, что Саня сделал такой выбор, мне теперь уже никогда не будет покоя.

А Лиза между тем вполне здраво рассудила, как мне следовало себя вести с Андреем Переяславцевым и что за фрукт этот самый Андрей. Она ужасно огорчилась из-за моей простоты и доверчивости, чтоб не сказать глупости.

— Зачем же вы все ему выложили?

— Если ничего не сообщить, то и в ответ ничего не услышишь, — пыталась оправдаться я.

— Однако ж выведать-то у него нужно было как можно больше, а рассказать ему как можно меньше. Он же не знал, что вы и Зоя были знакомы, а тем более того, что вы — непосредственная начальница этой Зои. Такой ситуацией надо было воспользоваться сполна. Кому как, но мне этот таможенник с незаконченным историческим образованием подозрителен более, нежели автослесарь Василий.

Лиза решила больше мне не доверять ни одной ответственной встречи и беседы. По ее словам, Саня с расследованием еще кое-как справляется, а я просто-напросто рискую завалить все дело. К счастью, у Лизы знакомые были везде. В регистрационной палате, как оказалось, такové тоже имелись. Лиза выяснила, что предприниматель Олег Семибратов, третий подозреваемый, в нашем городе не зарегистрирован. Однако в прошлом он занимался торговлей. Сначала покупал и переправлял куда-то лесоматериалы, затем занялся оптовыми закупками продовольствия. Но его частное предприятие успешно прогорело. Репутация у этого Семибратова, как выяснила Лиза, безупречная. Кредиторы на

него подавали в суд, ему едва удалось как-то уладить щекотливые финансовые дела. С молотка, по-видимому, пошло немало имущества. Деньги сквозь пальцы Семибратова, по представлениям обычного бюджетника вроде меня, утекли большие. Особых барышей он не заработал.

— Этот человек, судя по всему, совсем другого круга, нежели все прочие наши знакомые, — сделала вывод я.

— Да, — согласилась Лиза, — он, по-видимому, пройдоха не последний.

— Зачем так? — не согласилась я. — Может быть, ему просто не повезло в делах. Сунулся в бизнес, не зная броду, и прогорел вчистую.

Елизавета хмыкнула и стала размышлять вслух. Не мешает-де навести справки об этом Семибратове. Всякая деятельность, особенно торговая, оставляет следы: финансовые, упоминания в прессе, контакты с бизнес-партнерами и проверяющими органами. Ходы-выходы в прошлое этого Семибратова, как и любого предпринимателя, можно найти.

Чем дальше, тем больше! Дело обрастало новыми подробностями, появлялись какие-то новые личности, не понятно, причастные к трагическим событиям или нет. А между тем время шло. Мне казалось, что доморощенные следователи вечно будут топтаться в нерешительности, без каких-либо ясных ответов.

На другой день Лиза вновь убежала по своим делам, строго-настрога наказав мне болеть, ни о чем не волноваться и ничего не предпринимать. Но вновь и вновь сопоставлять тревожные факты она мне запретить не могла. Лежа на диване, я мучительно и неотвязно размышляла: кто же злодей? Предположение, что Енсен мог вступить в преступный сговор с Зоей, я сразу отмела. Он жулик, а она его сообщница? Да это смеху подобно. А мог ли Андрей каким-то образом через Зою добраться до пелены? Ведь у него, как и у Енсена, наверняка есть возможность переправить драгоценный предмет за границу. Оба они, конечно, понимают в древнерусском искусстве вообще и в лицевом шитье в частности не более, чем другие дилетанты. Но, с другой стороны, осознают же они, что эта пелена — не простой кусок материи, пусть и многовековой давности.

Нет, эпизод смерти Зои в моем сознании ну никак не вязался ни с Енсенем, ни с Андреем. Енсен хладнокровно убрал со своего пути бед-

ную девушку? И при этом пишет акварельки и мечтает о тихой жизни в райском уголке спокойной Норвегии? Не может быть! Андрей, по-моему, решителен и энергичен, но понимает, что мокрое дело — это вам не шутки. Не пойдет он на такое.

Да к тому же и у того и у другого есть алиби. Но есть и автомобили. Короче, я, в конце концов, пришла к выводу, что, во-первых, мы на ложном пути и ходим по какому-то заколдованному кругу, а во-вторых, лучше все же положить в этом деле на профессионала. Тем более, что следователь Олехов внушал мне доверие. «Нужно все ему рассказать, — наконец решила я, — этого не миновать».

Надолго откладывать намеченное я не люблю. Поэтому позвонила следователю. Олехов, казалось, не удивился моему звонку.

— Нового пока ничего сообщить не могу, — после приветствия начал он. — А как дела у вас? Заболели?

— Откуда вы знаете? — удивилась я.

— Работа такая — все знать, — отшутился Олехов, — в музее сказали, что вы на больничном.

Я сразу же заявила по возможности твердым голосом, предварительно откашлявшись:

— Мне нужно с вами поговорить.

Олехов молчал. Он ждал моей откровенности — это было видно, и, наверное, подозревал меня если не в первую, то во вторую очередь.

— Хорошо, — после паузы проговорил он, — мы обязательно встретимся. Поскольку вы болеете, завтра я приду к вам, чтоб не вызывать вас к себе.

К встрече я, разумеется, подготовилась. Заранее обдумала, что скажу и как. «Только спокойствие. Спокойствие и решительность, — твердила я себе, — раз уж я сама напросилась на откровенный разговор, полуправда вряд ли уместна. Олехов все равно докопается до истины».

Я обдумала, как внушить следователю мысль, что Ларс не может быть причастен ни к чему плохому.

Неумная горячность с моей стороны вряд ли уместна: пинкертон этот решит, что я просто-напросто без ума от заезжего принца. Все знают, что женщины склонны идеализировать мужчин, в которых влюблены, и даже больше, чем боготворят любимых женщин. Ясно одно: разговор предстоял нелегкий и серьезный.

Вдруг совершенно неожиданно меня осенило. Я просто-напросто не хотела откровенной беседы со следователем, боялась ее. Надеялась, что все разрешится как-нибудь само собой, без моего непосредственного участия. Вопрос, причастен ли Ларс к краже и убийству, был для меня слишком мучителен. Лишь болезнь давала мне шанс просто-напросто прикрыться бюллетенем и уйти от его решения. В этом главная причина моего недомогания. Недаром врач, которая меня лечила, сказала между прочим, что многим свойственно, как она выразилась, подсознательное стремление «сбежать в болезнь» от сложных проблем. Значит, мне не следует распускаться. Лучше идти навстречу неприятностям. Здоровью это будет только на пользу.

Наша беседа с Олеховым состоялась на следующее утро. Он пришел точно в назначенное время. От чая не отказался. Разговаривали с ним мы на кухне. Олехов выглядел ничуть не более домашним и доступным, чем при официальной обстановке. Держался он, как всегда, по-деловому.

Однако тон его был более доверительным. Наверное, нас сблизило то, что мы вместе стояли у страшного цинкового стола в морге, вместе присутствовали на похоронах несчастной Зои Березиной и оба знали ее, он — совсем немного, а я — довольно долго.

Выслушав мой рассказ о Ларсе Енсене, моих встречах и разговорах с ним, он не удивился, но задумался крепко.

— А знаете, я так и думал. Есть в этом деле некое звено, о существовании которого я постоянно подозревал. И это звено как-то связано с вами. Как, вы сказали, его имя?

Я назвала имя, телефон и адрес Ларса. Олехов не записал, но, я уверена, он все это запомнил хорошенько. Некоторое время он молчал, как бы повторяя про себя все самое важное, чтобы запечатлеть в сознании. Затем он заговорил про другое:

— Эта оглашенная девица, Елизавета Трушкина, защищает вас как никто, — заметил он. — Я тоже готов поверить, что вы не похититель и не убийца.

— Спасибо! — поблагодарила я.

— Пожалуйста, — ответил следователь, — но что за фрукт этот Ларс Енсен? Чем, как вы думаете, вызван его интерес к пропавшей пелене?

Олехов заставил меня подробно и обстоятельно передать содержание всех наших разговоров с Ларсом. Это было нелегко. В конце концов, я просто чуть не вышла из себя от досады и неловкости. Подобные ощущения мне, пожалуй, доводилось порой испытывать только на приеме у врача, когда речь шла о симптомах заболевания, которые не сразу опишешь и о которых не слишком приятно говорить с посторонним человеком.

Я со всем пылом принялась убеждать следователя, что Ларс — человек исключительно честный, порядочный, искусство любит бескорыстно, относительно меня имеет самые серьезные намерения. Чем горячее я говорила, тем ироничнее усмехался Олехов. Всем своим видом он давал понять, что мои эмоции его мало волнуют, а наши с Ларсом частные отношения никого не касаются. Речь идет о расследовании преступления. Наконец вслух выразил эту простую мысль, прервав поток моего красноречия.

— Следствие не может обойти вниманием никого, кого хоть на минуту можно взять под подозрение.

Права Лиза. У меня что на уме, то и на языке. Так нельзя! Ведь цена показаний заинтересованной и очарованной дурехи — копейка.

Несмотря на свой небольшой, как мне кажется, профессиональный опыт, Олехов это понимал. Дотошному следователю, видимо, приходилось сталкиваться в своей практике с особами, находящимися во власти нежных чувств. Добиться толку от подобного рода свидетелей, наверное, всего труднее. Все улики и подозрения против объекта пламенной привязанности хоть кому покажутся вздором и злобным наветом. Неужели я влюблена в Ларса? Я поймала себя на том, что этот вопрос в последнее время слишком часто приходит мне на ум. А думать-то надо совсем о другом.

— Поехать за границу Енсен предлагал вам вполне серьезно? — спросил Олехов.

Я заверила, что так и есть, Ларс готов немедленно купить путевки в круиз.

— И вас не привлекает Италия? — поинтересовался следователь с тем же ироническим прищуром.

— Очень даже привлекает, — сказала я.

— Да, вы же искусствовед, — Олехов уже не ус-

мехался. — А что, Ларс Енсен разбирается в искусстве?

— Да, хотя специально он этому не учился. Но вкус у него есть и...

— И практическая сметка тоже, — перебил меня Олехов. — Он ведь бизнесмен.

Я возразила, что не все бизнесмены такие недалекие грубияны с пятерней веером. У иных и в голове, и за душой кое-что имеется.

— А Ларс, между прочим, еще и художник, — заметила я, — он пишет неплохие пейзажи в духе импрессионистов. С настроением. Это я вам как искусствовед говорю.

Олехов заинтересовался:

— Пейзажи, говорите. Вы их видели?

Мне пришлось описать, да так, чтобы это было доступно пониманию следователя, и творческую манеру Ларса, и то, что он изобразил на своих картинах.

— Понимаю, — сказал Олехов, — разносторонняя натура. Но ничего, видали мы всяких.

Он еще раз уточнил и запомнил время и место моих с Ларсом встреч и бесед. Поинтересовался, есть ли у нас общие знакомые, не встречались ли мы раньше, пусть случайно и мельком. От всех этих вопросов у меня началась мигрень. Олехов, по-видимому, заметил, что я морщусь от головной боли, и пожалел меня.

— Спасибо вам большое, — сказал он, — вы правильно сделали, что рассказали все мне. Больше вам сказать нечего? — он взглянул на меня серьезно и испытующе.

— Нечего, — пролепетала я, — а вы уверены, что я должна была вам обо всем сказать без утайки?

— Абсолютно, — ответил Олехов, — мне кажется, что ваша помощница Зоя Березина не была со мной откровенной. За это и поплатилась.

Я не ответила, застыв на месте в невеселом раздумье.

Олехов пожелал мне скорейшего выздоровления, попросил сообщить ему немедленно, если вдруг всплывут какие-то новые факты, сказал на прощание:

— А вы все же берегите себя. С этим норвежцем я бы попросил вас до поры до времени не встречаться. Прояснится ситуация — езжайте с ним куда хотите, хоть в Италию, хоть в Норвегию. Совет да любовь, как говорится, а пока что лучше бы поостеречься.

Ларс позвонил мне в тот же день. Он вновь пригласил меня в гости. Я сказала, что больна и из дома не выхожу, но к себе его не позвала. Разговор с Олеховым произвел на меня весьма тяжелое впечатление. Я никого, пожалуй, не хотела видеть. На душе было смутно и тревожно. Ларс почувствовал мое настроение.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Нет, просто мне нездоровится, — сказала я.

— Я чувствую, что у тебя опять какие-то неприятности, — настаивал Ларс. — Кто-то тебя обидел? Огорчил?

— Просто дела не веселят, — вздохнула я.

— И никаких новостей? — поинтересовался он.

— Если ты о следствии, то никаких. Все застопорилось.

— Не огорчайся, — сказал Ларс почему-то бодрым тоном, словно воспрянув духом, — все будет хорошо. Не болей. Я тебе завтра позвоню. Целую.

Я в ответ коротко сказала:

— Пока. Звони.

И вновь мне Ларс показался далеким, почти незнакомым, а мое чувство к нему — надуманным и преходящим. «Это так, мечта, — твердила я себе, — чего не выдумаешь от одиночества постоянного». И так мне стало жаль себя, больную, одинокую, нескладную, что слезы готовы были навернуться на глаза. К счастью, даже на больничном жалеть себя мне некогда. Я померила температуру. Она была почти нормальной. Значит, нечего хандрить. Пора выдвигать и снова впрягаться в дела.

Глава одиннадцатая

Прошло несколько томительных дней, не принеся никаких известий. И вдруг под вечер Лиза прибежала возбужденная и с порога заявила:

— Мы чуть не упустили последнего подозреваемого. Да-да, этого самого Олега Семибратова.

Как оказалось, этот Олег уже наострил лыжи. Он собирается в Израиль на постоянное место жительства. Мать у него, видите ли, еврейка. Так что, несмотря на свою типично русскую фамилию, Семибратов имеет все права поселиться на земле обетованной.

Олег, как выяснилось, собирается поехать

на историческую родину, чтобы воссоединиться с престарелой бабушкой. Старушке хочется, чтобы внук похоронил ее, когда придет время, честь честью на земле предков. Лизе благодаря ее связям удалось навести справки о Семибратове и раздобыть его адрес и телефон. Она тут же начала действовать.

— Терять времени нельзя, — возбужденно заявила нам взбалмошная девчонка, — я сегодня же позвонила Семибратову и условилась о встрече. Более того — встреча состоялась.

Саня удивился такой расторопности:

— Как? Неужели?

— Что ты ему сказала? — спросила я.

Лиза с видом заговорщицы помалкивала, сооротив умильную гримасу.

— Неужели вы думаете, что я все карты раскрыла? Нет, я о нашем расследовании ни словом не упомянула, не то что Ангелина Васильевна, — наконец проговорила она.

Саня потребовал, чтобы Лиза кончила темнить, объяснила все как есть. Лиза неспешно устроилась поудобнее в кресле и поведала, как было дело:

— Звоню я этому Олегу и бархатным таким голосом говорю: «Здравствуйте, а я по объявлению. Меня Лиза зовут». Он, разумеется, удивляется, по какому, дескать, объявлению. А я и объясняю. В бесплатной газете объява: «Нормальный парень будет рад знакомству с отвязной девчонкой без проблем и без комплексов. Встречи на нейтральной территории. Поддержу материально в разумных пределах. При необходимости порядочность и конфиденциальность гарантируются».

Саня, как услышал этот дурацкий текст, схватился за голову и закричал:

— Откуда такая чушь? Что ты опять выдумала?

А Лиза так спокойно и объясняет:

— А это объявление в газете опубликовала в срочном порядке я сама. И телефон указала.

— Неужели Семибратова? За что же ему такое наказание? — воскликнула я.

— Да нет, — пояснила Лиза, — телефон не его. Разница в одной цифре. Не беспокойтесь, никому зря названивать не будут. Я нарочно проверила, такого номера не существует. Ну что, разве я не отвязная? Расчет-то верен! Я так и знала: этот Олег наверняка захочет со мной встретиться, хотя бы затем, чтобы выяснить,

что же это за объявление, в какой газете. А дальше декорация такая: ошибочка вышла.

На сей раз мы с Саней сошлись во мнениях: эксперимент слишком уж рискованный, а текст объявления — ну ни в какие ворота. Что же можно подумать о той, которая на него откликнется?

— Да бросьте вы, — отмахнулась Лиза. — Мы расследуем злодейское преступление. И провести расследование в белых перчатках все равно не удастся.

Однако Саня не унимался. Он ругал Лизу за легкомыслие на чем свет стоит. Я тоже сказала, что поступать так, как она, по меньшей мере неосмотрительно.

— Важен результат, — возразила Лиза, — вы слушайте, что дальше-то было.

И она рассказала нам историю своего знакомства с Олегом. Встреча состоялась незамедлительно. Олег, по Лизиним словам, оказался весьма привлекательным, даже интеллигентным с виду.

— Внешность, правда, у него стандартная, однако держится с достоинством, одет со вкусом и недешево, — описала его Лиза.

Лет ему, как она определила на первый взгляд, можно дать этак двадцать с хвостиком, но, присмотревшись к его уверенной повадке, понимаешь, что ему все тридцать, а то и больше. Парень он с виду ненаглый, говорил с Лизой тихо, вкрадчиво и убедительно. При этом смотрел в глаза, но с видом простодушным и свойским. Так и хотелось его, зайку такого, по головке погладить.

Встретились Олег и Лиза в весьма недешевой кофейне. Место для свидания выбрал Олег. Болтали они в уютной обстановке подружески. Со стороны посмотреть — давно спевшаяся парочка. Саня, услышав об этом, нахмурился, но Лиза пояснила, что так надо. Необходимо Олега расположить к себе. Иначе не поймешь, что он за человек, и ничего о нем не узнаешь. Лиза назвалась собственным именем, поведала новому знакомому о своей учебе, о проблемах с матерью. Сказала, что учится на журфаке и своего угла не имеет — в данном случае ей это на руку. Зашел разговор и о личных делах. Лиза со смехом сообщила, что давно одна, недели полторы, с тех пор как разругалась со своим бойфрендом. Тот, мерзавец, требовал от нее цыганской верности и ин-

дийской любви, а сам-то ни на что обычное не способен. Поэтому-то она, дескать, и читает объявления о знакомствах.

Саня, услышав такую аттестацию, просто растерялся.

— Это ты про меня? — упавшим голосом сказал он.

— Идиот, — добродушно выругалась Лиза. — При чем тут ты? Я же в образе была. Вырядилась на это чертово свидание в короткую юбочку, которую ты терпеть не можешь, и курточку кожаную. Дрожу, а фасон держу.

Далее события разворачивались уж вовсе интересно. Олег сказал Лизе: «Жаль, что мы так поздно встретились. Я уезжаю». По-видимому, он действительно был огорчен, что знакомство получилось таким коротким. Лиза ему и в самом деле понравилась. Да и кому бы не понравилась эта зажигалка, если б захотела. Тут-то и выяснилось, что Олег уже пакует чемоданы. Осталось уладить кое-какие мелкие дела и в путь, к бабушке в Израиль. Лиза сделала вид, что и сама страшно огорчена: такой классный парень и уезжает. Саня, по мере того как Лиза посвящала нас в свою авантюру, становился пунцовым от возмущения и ревности. Таким я его не видела. Подозреваю, что Елизавета нарочно его злила и мучила. Ведь ревность, что ни говори, в глазах нас, глупых женщин, — доказательство любви.

— А дальше — что? — почти кричал он.

— Ничего, — совершенно спокойно ответила Лиза, — я сказала, что вообще-то Олег не в моем вкусе. Больно умных я не люблю. Предпочитаю что попроще. Да и вообще, раз он уезжает — ска-тертью дорожка.

Разумеется, провокаторша сделала такой финт, потому что почувствовала, что Олег довольно-таки крепко сидит у нее на крючке. Пора подсекать. И все шло по ее плану. Семибратов возразил, что они могли бы вместе пойти в кино или на дискотеку, да и вообще куда Лиза пожелает. Лиза в ответ на это предложение поводила глазками из стороны в сторону, как она умеет это делать, изображая задумчивость. Потом вроде как согласилась в принципе, но пропела сладким голоском, что она девушка на выданье, по характеру серьезная и ужас какая занятая. Даром терять время ей не с руки.

— А ты, поди-ка, в Израиль собрался не один. Или ждет там тебя какая-нибудь еврееч-

ка, евреи ведь на своих предпочитают жениться. Семья семьей, любовь любовью, так ведь у вас? — пожала она плечами, якобы не решаясь на следующую встречу.

Олег засмеялся:

— Да какой я еврей. Просто повезло мне в том отношении, что бабуля у меня еврейка. А так я ни языка, ни обычаев еврейских не знаю. Да я и не собираюсь там задерживаться. Хочу в перспективе в Штаты перебраться. Дело открыть. Так что мне нужно быть, как горному кондору, одиноким.

Лиза стала допытываться, неужели же он никак не увлечен? Разве можно жить без любви? Конечно, в ее намерения не входило играть роль этакой распушенной особы, которой море по колено. Она хотела показаться Олегу простой наивной девчонкой, недалекой и кокетливой. Я очень хорошо представляла себе, как выглядела Лиза. Манеры и внешний вид она наскоро позаимствовала из рекламных роликов и телесериалов. Вполне допускаю, что Олег принял ее ломание за чистую монету. Он признался, что кое-какой опыт по амурной части у него имеется, не упустил возможности прихвастнуть своими успехами у девчонок.

— И что же, многие в тебя влюблялись? — округлив глаза, спросила Лиза.

— Да, — небрежно бросил Олег. — Девчонки на шею вешаются, как гирлянда. Были и такие, что с разбегу замуж согласны.

— Неужели? — спросила Лиза все с тем же дурацким выражением кокетства и простодушия на лице, — я думала, что такие дуры и перевелись уже. Замуж — не замуж, какая разница.

Олег ответил не сразу:

— Да, ты права. Не много таких. Пожалуй, я знаю лишь одну.

— И что же? — допытывалась Лиза, — она по-прежнему надеется, что ты женишься на ней?

Олег ответил неожиданно резко:

— Нет, уже не надеется.

— А где же она теперь?

Речь шла, конечно, о Зое. Вопросы Лизы, по ее разумению, не вызвали у Олега никакой настороженности, а только глухое раздражение. По-видимому, он был не готов к такому повороту разговора, поэтому сказал правду:

— Она умерла.

Лиза сделала вид, что удивилась:

— Как?

— Несчастный случай, — коротко ответил он, — попала под машину.

— Где? Когда? — продолжала интересоваться Лиза.

Этот интерес все больше и больше раздражал Олега. Он ничего толком не ответил. Сказал только, что где и когда несчастная девчонка угодила под колеса, он толком и не знает, потому что с ней давно расстался. И вообще, об этом не стоит говорить. Всякий прискорбный случай лучше всего поскорее забыть.

— Конечно, — проговорила Лиза. — Я понимаю, как тебе нелегко. Мне как-то пришлось кошку усыпить, чтоб не мучилась, я и то так переживала, так переживала.

Больше расспрашивать о Зое она не стала из опасения вызвать подозрения у Олега. Пойти с ним в кино на весьма легкомысленную комедию она все же согласилась.

Данные о частной жизни и о работе Олега, которые Лизе удалось выудить из довольно короткого разговора с ним в кофейне, помогли ей в самом скором времени навести справки о нем через пресс-службу УВД. Эта проныра везде успела обзавестись осведомителями.

Как выяснилось, первая попытка Олега заняться бизнесом была вовсе не такой уж неудачной. Судя по всему, он переправлял на юг партии леса. Вагоны отгружались исправно, налоговые отчисления от предприятия, одним из учредителей которого был Олег, поступали на счета. И вдруг предприятие обанкротилось. Почему — совершенно не ясно. Было похоже на то, что кто-то из партнеров не проплатил вовремя по договорам крупную сумму, и дело лопнуло с треском и неожиданно. Кто кому и сколько остался должен — теперь уже покрыто мраком неизвестности. В запутанной бухгалтерской документации разобраться весьма непросто и по горячим следам, не то что по прошествии нескольких лет, да и свидетелей странных и непонятно кому выгодных сделок тоже трудно разыскать. Олег после банкротства товарищества с ограниченной ответственностью уехал в Санкт-Петербург. Там он учился на менеджера в коммерческом вузе и занимался бизнесом. Потом вдруг он опять объявился в нашем городе и занялся куплей-продажей продтоваров. Дело, по всему виду, шло не без проблем, но с прибылью. Но совсем недавно прои-

зошла аналогичная первой история с банкротством. Олег и его немногочисленные партнеры распродали все имущество фирмы, отозвали лицензию на предпринимательскую деятельность, и вышло так, что взятки с них гладки. Во всех тонкостях, которые пыталась растолковать нам Лиза, я разобралась не очень. Бухгалтерия просто-таки меня вгоняет в сон.

— И вот теперь этот Олег собирается за границу, — закончила она свой отчет, — и по все-му видать, деньги у него есть.

Саня сказал, что оснований подозревать Олега в чем-то тем не менее нет. Вполне возможно, что он честный бизнесмен. Уехать за границу тоже не преступление. Пусть едет, если ему там больше нравится. Я с ним согласилась. Андрей, по моему мнению, был куда более подозрителен, чем Олег. Во-первых, Зоя рассталась с Олегом давным-давно, а с Андреем ее связывали вполне серьезные отношения. Вероятно, она собиралась замуж и за него, как когда-то за Олега. Кроме того, предстояло выяснить, есть ли у Олега машина.

— Машина у него была, — торжествующе пояснила Лиза, — и это я узнала. Представьте себе, «Жигули» серого цвета. Он продал ее буквально вчера.

Лиза рассудила, что нужно держать в поле зрения и Олега, и Андрея. В причастность к делу Василия и Ларса Енсена ей верится меньше. Но и такая возможность не исключена.

— Мне везде не успеть, — сказала Лиза, — придется вам, Ангелина Васильевна, взять на себя Андрея и Ларса, а я вплотную займусь Олегом.

Настроение Сани, и без того угрюмое, испортилось окончательно. Он потребовал, чтобы Лиза подробно отчиталась, как именно она думает заниматься Олегом. Пойдет ли она к нему домой, если он ее пригласит?

— Почему бы и нет, — весьма вызывающе бросила Лиза, — и не думай, пожалуйста, что я легкая добыча для всякого охальника. Я знаю, как себя вести.

Я только покачала головой, а Саня не решился ни на чем настаивать. Но был он такой понурый, что мне его жалко стало.

Лизина авантюра с Олегом Семибратовым закрутилась-завертелась полным ходом. На другой день Лиза вместо лекции в университете пошла с ним в кино. Фильм был жутко пошлый

и примитивный, но Лиза не вышла из роли. Она хихикала, запрокидывая голову и потряхивая рыжими волосами. Их для такого случая она распустила по плечам. Ее внешний вид удачно дополняли все та же юбочка, кожанка и взятая напрокат у подружки черная вязаная шапочка, натянутая до глаз. Лиза чувствовала, как ее волосы касаются лица Олега, но как бы не замечала этого. Она знала, чем привлечь его внимание: блеском глаз из-под надвинутой по самые брови шапочки, белизной зубов да жасминным запахом волос. Души она позаимствовала у меня. Я одолжила, потому что это было нужно для дела. Лиза была будто бы увлечена фильмом, когда Олег неожиданно поцеловал ее. Поцелуй пришелся в шею, вернее в шарф. Лиза засмеялась уже не глупостям, что показывали на экране, а его неловкости.

— Ты красивая, — сказал Олег.

Лиза только кивнула в ответ. Дескать, знаю, открыл Америку. После кино она заспешила домой. Олег, разумеется, пошел ее провожать. Пришлось Лизе сделать изрядный крюк, чтобы замести следы. Она пошла в общежитие, сказала, что временно живет там. Путь до общежития был неблизкий, а погода стояла тихая и без дождя. Иначе бы Лиза промокла и продрогла в своей курточке. Дорогой они говорили о фильме, вспоминали забавные случаи из жизни, напоминающие комедийные эпизоды. Олег рассказал, как он, словно герой фильма, перелезал с одного балкона на другой, чтобы его не застукал ревнивый друг его пассии. Лиза засмеялась, но вдруг оборвала смех:

— А ту, которая погибла, ты тоже обманывал?

— Ну, вообще-то, никто никого не обманывает. Каждый обманывается сам, — сказал Олег.

Из этого можно было сделать вывод, что Зоя, по его мнению, обманулась.

— И правильно, — махнула рукой Лиза, — мне тоже никого не жаль. В любви ведь каждый сам за себя.

Олег на это сказал, что они с Лизой ужасно похожи. И вот ведь досада: приходится ему уезжать. А то бы они весело провели время. За разговорами дошли до общежития. Лиза взяла провожатого под руку и заговорила горячо и, как могла, убедительно:

— Послушай, помоги мне уехать отсюда, а? Понимаешь: с матерью я в контрах, жить, в

сущности, негде, денег, никаких перспектив, сам понимаешь, тоже.

— Как ты это себе представляешь? — поднял брови Олег, но не заявил сразу же, что рассчитывать на него — дело пустое.

— Ну не знаю, — замялась Лиза, — может, ты потом приглашение мне организуешь, а? Я бы съездила, осмотрелась. Может, и присмотрела бы что...

— Что? — спросил Олег, так же недоверчиво поглядывая на Лизу.

— Я имею в виду работу. Ты ведь в Штатах осесть хочешь. Я тоже. Нет, я ни на чем не настаиваю. Понимаю: тебе самому прежде всего нужно свои дела устроить, перебравшись на ПМЖ. Вот когда с этим разберешься, позвони, а? Помоги. Ну не теряйся, по крайней мере.

Олег не сразу ответил и даже слегка отстранился от Лизы. Она это почувствовала. Так и стояли они минуту-другую около входа в общежитие. Но Лиза не отпускала рукав дорогого кожаного плаща Олега, словно провожатый мог вырваться и убежать.

— Ничего не обещаю, — сказал наконец он, — ведь ты девушка умная, понимаешь, обещать что-то наверняка невозможно. Но постараюсь быть тебе полезным, — тут он положил свою ухоженную руку с длинными пальцами на руку Лизы, вцепившуюся в рукав его плаща.

Лиза была без перчаток, но она не ощутила тепла. Напротив, рука Олега показалась ей холодной и цепкой.

— Что же ты сама-то о себе не позаботишься? — спросил он наконец как будто сочувственно. — Возможностей масса. Столько предложений о знакомстве, международные брачные бюро. Теперь многие девушки устраивают свою жизнь через Интернет, и все им только завидуют. Английского не знаешь — подучи.

— Да нет, с английским-то у меня порядок, — ответила Лиза. — Просто у меня правило: рассчитывать на себя. А этот Интернет — по сути игра втемную. Да и не о замужестве речь.

Олег сосредоточенно молчал.

— Муж — это муж, — пояснила Лиза, — а мне важно самой кем-нибудь стать, наконец. Кстати, за тебя я тоже замуж не наладилась, не бойся.

Семибратов после недолгого раздумья сказал, что все это нужно обмозговать. Разговор слишком серьезный, чтобы вести его походя.

В тесном и неудобном вестибюле университетского общежития, куда они зашли, по углам жались несколько парочек. Ни стульев, ни скамеек не было. Лиза и Олег уселись на подоконник напротив входной двери, которая то и дело хлопала. По вестибюлю гулял сквозняк, от которого вахтерша, сухопарая старушка, куталась в пуховый платок. Она временами прикрывала глаза, как бы в полудреме, но бдительно следила за обстановкой. Стоило хлопнуть двери или кому-то из посетителей направиться в сторону лестницы, как вахтерша мгновенно восклицала:

— Кто? Куда?

Пропускать посторонних в общежитие ей было строго запрещено. Лиза поежилась и чихнула.

— Еще не хватало, чтобы ты простудилась, — сказал Олег и быстро снял свой долгополый кожаный плащ, накинув его на плечи Лизе.

— Что делать будем? — спросил он.

Лиза пожалала плечами. Дескать, она бы пригласила Олега, но — правила. Вздохнув, она показала Олегу глазами на бдительную вахтершу, которая сидела нахохлившись, как наседка.

Олег развел руками и подошел к столу. Тут же последовал окрик старушки:

— Куда?

Олег что-то быстро сказал ей вполголоса, достал портмоне.

— Что? — возмутилась старушка. — А ну-ка вон отсюда!

Олег что-то уточнил корректным тоном с большим достоинством, по-видимому, речь шла о сумме.

— Не нужны мне ваши деньги, — еще больше кипятилась вахтерша. — Уходите, а то охрану вызову!

Олег вновь что-то ей сказал с иронической улыбкой.

— Что? Сто долларов? — удивилась она, а потом засомневалась. — А почему мне знать, что они не фальшивые? И откуда у людей такие деньги!

Лиза наблюдала за этой сценой, запахнув поплотнее плащ Олега. «И в самом деле, — подумала она, — если человек с такой легкостью швыряется деньгами, это подозрительно. А почему, собственно, подозрительно? Ведь сто баксов — тариф за услуги девочек по вызову. Неужели он считает, что она того же поля ягода?» Во всяком случае, бесплатному представлению, за которым стали наблюдать и другие, пора было поло-

жить конец. Лиза резко встала с подоконника. Плащ упал на затоптанный пол. Она поспешила поднять дорожную вещь. И тут только обратила внимание на подкладку плаща: мягкую, шерстяную, сделанную из ворсистого и очень теплого и легкого материала. Где-то она уже видела такую. Где? Внизу подкладка была разорвана и заштопана. И Лиза вспомнила! Она ясно увидела лоскуток клетчатой ткани, который Катюшка нашла в фонде музея, под ступенькой лестницы. Сомнений не было: этот плащ был порван именно там! В музее! Лиза оторопела.

Она подошла к старушке вахтерше, которую Олег продолжал убеждать в том, что он зайдет в общежитие только на минутку и по важному делу.

— Знаем мы ваши дела! — отвечала вахтерша, все время поглядывая на бумажник Олега. — И откуда такой только выискался?

— Это я вам могу сказать, — с дерзкой улыбкой ответила Лиза, протягивая плащ Олегу, — мой знакомый — побочный сын саудовского принца и голливудской актрисы. Поэтому-то и долларов у него в кармане — как тараканов в нашем общежитии.

— Кого-кого он сын? — сказала бабуся, потешно хлопая глазами.

— Вам все равно, — столь же дерзко и напористо продолжала Лиза, — вот и сидите тут, как клушка! Зато мы скоро будем там, куда вас-то и посмотреть не пустят.

— Хамка! — возмутилась вахтерша.

— На будущей неделе, между прочим, он, — Лиза указала на Олега, — уезжает в Америку.

— Врешь! — старушка просто позеленела от злости и досады.

— Это правда, — спокойно возразила Лиза.

Олег попросил прекратить скандал, Лиза отошла от стола и сказала ему:

— Как видно, сегодня переговорить все равно не получится. Слушай, а откуда у тебя столько денег?

Олег не стал отвечать. Они условились встретиться завтра у него на квартире, чтобы спокойно все обсудить. На том и расстались. Лиза дождалась, когда Олег скроется из виду, и бегом побежала к нам, чтобы рассказать эту историю.

Конечно, она разыскала злополучный лоскуток от подкладки плаща. Сомнений не было. Лоскуток точь-в-точь подходил и по фактуре, и

по расцветке. Случайность была исключена. Плащ был не расхожего фасона и отличного качества. Наверняка куплен в элитном магазине. Можно допустить, что в городе несколько таких плащей, но чтобы нашелся другой человек, который порвал бы точь-в-точь такой плащ таким же образом, как Олег, — это вряд ли.

— Стало быть, он виделся с Зоей незадолго до кражи и до ее смерти, — заключила Лиза.

Глаза ее блеснули. Она, как и все мы, чувствовала, что разгадка близка. Если, конечно, ничего не напутать и не сбиться со следа. В том, что у Олега в отношении нее нет никаких подозрений, Лиза не сомневалась. Свою роль амбициозной девчонки, стремящейся вырваться из провинциальной рутины и серой повседневности, она вела хорошо.

— Ты зря обманывала человека, — заметила я, — неужели не было выхода?

— Не было! — убежденно сказала Лиза. — Только так можно узнать всю подноготную этого Олега. А скрывать-то ему есть что. Человек без работы и с кучей баксов в кармане — не слабо, да? Знаете, сколько нужно денег, чтобы без хлопот перебраться в Штаты, осесть там и безбедно жить?

— Никогда не интересовалась, — ответила я.

— О, — протянула Лиза, — это такие деньги, которые нам и не снились, уж поверьте. Вы лучше подумайте, как и когда Олег мог оставить клочок подкладки своего плаща у вас в фонде?

Я пожала плечами. Этого я решительно не представляла.

— А я знаю, — сказала Лиза, — это было в ту пятницу, когда пропала пелена.

— Нет, не обязательно в пятницу, — возразила я, — и потом если он такой богатый, то почему не выбросил порванную вещь и не купил себе новый плащ?

— Мало ли почему, — Лиза задумалась, — порвана-то только подкладка. Если заштопать, то и не видно почти. А плащ-то совсем новый. Вот наведуясь к нему в гости — все узнаю. Заодно посмотрю, как он живет.

— Нет! — полностью потеряв самообладание, взревел Саня. — К нему ты не пойдешь ни за что! Поняла?

Я оторопела: впервые увидела, как мой сын кричит. Причем на женщину. На Лизу. Он прямо-таки изменился в лице. Лиза сочла за

благо не перечить ему. Пожалуй, обстановку могла разрядить только я. Я решительно воспротивилась Лизину намерению на другой же день навестить Олега. Богатые люди, у кого в кармане могут вполне завалиться сто долларов, мне совсем не внушают доверия, а этот незнакомый Олег — особенно. Не то чтобы я подозревала всерьез в тяжких преступлениях именно его. Однако Лизе следует быть поосторожнее — это факт.

— Он и в самом деле хотел тебя поцеловать? — допытывался Саня, немного сбавив тон.

— Да, я сделала все, чтобы основательно задурить ему голову, — похвалилась Лиза. — Мужчина в таком состоянии соображать не способен.

В этом я не сомневалась. Лиза задурить голову могла бы хоть фонарному столбу и без особого труда, даром что не красавица. Она так вызывающе и смело держится, так дразнит мужское тщеславие, что не попасться на эту удочку нормальному мужику почти невозможно. Впрочем, не мне судить. Тревога моя стала панической, как только я осознала, какой опасности подвергается Лиза. Что если Олег именно тот, кого мы ищем. Тогда он беспринципный тип, расчетливый убийца. К тому же он не просто убил Зою, он увлек ее, бессовестным образом предал и растоптал ее доверие, не пощадил искреннего чувства доброй и простосердечной девушки. Такой на все способен.

— Нет, — сказала я решительно, — нет и нет! Никаких встреч наедине с этим Олегом, тем более у него дома. Ты с ума сошла. Если с тобой что-нибудь случится, я же себе этого никогда не прошу. В сущности, вся эта каша заварилась из-за меня. Ты просто не понимаешь, на что идешь.

Лиза, ну и легкомысленная же она особа, со мной не согласилась. Она мне битый час доказывала, что у Олега и в мыслях нет сделать ей что-нибудь плохое, что она может за себя постоять в случае чего. Она же не круглая дура. Сладу с сумасбродкой не было никакого. Саня пригрозил в конце концов, что запрет ее дома и никуда не выпустит. Похоже, он готов был осуществить свое намерение без колебаний.

— Но вы же понимаете, что упускать Олега никак нельзя, — не сдавалась Лиза, — наш с ним разговор прервался на самом интересном для меня месте. Я еще порасспрошу его и про

деньги, которых у него куры не клюют, и про Зою. Выясню, почему это и когда он порвал свой плащ в музее.

Я решила не продолжать спор. Пошла на кухню, включила чайник. Саня заявил как отрезал: все, пора кончать эти игры в расследование, пусть полиция докапывается до истины. Нужно все рассказать следователю — и точка. Мне все же не верилось, что Олег Семibrатов имеет к краже и убийству самое непосредственное отношение.

— Вот что мне непонятно, — сказала я за чаем, — если этот Олег совершенно не разбирается в искусстве, откуда ему знать, что пелена представляет такую ценность в глазах специалистов. Ведь люди несведущие, я видела, проходили мимо этого шедевра, даже не разглядев его как следует, — вышивка и вышивка.

Лиза ответила не сразу:

— Понимает ли он в искусстве — еще неизвестно. Но даже если нет, кто-то ведь мог навести его на эту пелену. Может быть, Зоя? Конечно, она это сделала, сама того не желая. Ведь вы тоже на каждом углу говорили о том, что за ценность хранится под вашим присмотром.

Резон в рассуждениях Лизы был. Но, насколько я понимаю, этот Олег — человек, далекий от кругов художественной интеллигенции и коллекционеров. Ему трудно было бы распорядиться украденной пеленой. После долгого спора мы все же сошлись на том, что пора рассказать все следователю Олехову. Пусть он ищет подтверждение или опровержение нашим подозрениям. Основания подозревать Олега, как ни крути, все есть.

Я долго убеждала Лизу в том, что следствие — это отлаженный механизм. У специалистов есть средства и возможности, чтобы вдесятеро быстрее проделать ту работу, за которую Лиза взялась. Нужно, например, разыскать машину, проданную Олегом неизвестно кому. Затем всерьез поинтересоваться его материальным положением. Возможно, никакого несметного богатства у него и нет. Сотня баксов в кармане еще не показатель особой финансовой состоятельности. Лиза согласилась со мной, хотя и не сразу. Она вообще перестала за чаем обсуждать эту тему. Но после ужина, выпроводив Саню под благовидным предлогом из дому — в аптеку за успокоительным для меня, — Лиза вернулась к прерванному разгово-

вору. В конце концов, мы договорились, что ее свидание с Семибратовым состоится в кофейне, где они уже беседовали раз. Перенести встречу в это людное место можно без особых проблем. Ведь даже у такой раскованной девушки, какую изображала из себя Лиза, вполне могли возникнуть сомнения, идти или нет в дом к молодому человеку буквально на другой день после знакомства. Кроме того, я настояла, что буду наблюдать за этой встречей. Сяду за столик неподалеку от них и стану незаметно, потягивая кофе и листая журнал, присматривать за Лизой и Олегом. Это не вызовет у него подозрений. Ведь я с Олегом не знакома. Лиза согласилась и с этим. Кроме того, она позвонила Олехову и сказала, что хотела бы с ним поговорить. Как я поняла, Олехов назначил ей встречу у себя в кабинете.

— Нет, — ответила Лиза, — прийти к вам я не могу, обстоятельства складываются так, что мне незачем афишировать свое знакомство с вами. Но информация у меня для вас имеется. Очень интересная.

И она условилась с ним встретиться в той же кофейне завтра. Затем она позвонила Олегу.

— Привет, — пропела она в трубку сладким голосом, совсем не таким деловым и отрывистым, каким разговаривала со следователем, — да, это я. Я тут подумала и решила: назначу-ка я тебе свидание в той же кафешке и за тем же столиком, где мы сидели. Помнишь? Вот-вот.

Олег, очевидно, что-то возражал, но Лиза настояла на своем:

— Мне так удобнее. До встречи завтра. О времени мы ведь договорились, не так ли? Салют! — и она повесила трубку.

Я подумала, что Лиза назначила встречу и следователю, и подозреваемому по делу в одном и том же месте и в одно и то же время не из озорства. Присутствие Олехова в такой момент не помешает.

На другой день я наконец увидела этого Олега довольно близко. Он и Лиза сидели за столиком, пили кофе и вели непринужденную беседу. Впечатление было такое, словно они добрые друзья или влюбленные. Лиза чему-то беззаботно смеялась. Вела свою роль разбитной и независимой юной интересантки она безупречно. Актриса бы из нее вышла отличная. Никакой натужности, зажатости ни в об-

лике, ни в движениях, ни в манерах. Олег сдержанно улыбался и кивал ей в ответ.

Он выглядел, пожалуй, почти безупречно. Одет в добротную куртку спортивного покроя, а не в плащ, о котором говорила Лиза. Ничего кричащего, нарочито модного, но все отличного качества, все в тон и по сезону. Уверена, что и носки у него соответствовали по цвету коричнево-оранжевой гамме, в которой были выдержаны брюки, куртка и шарф. Прическа Олега — аккуратная, не слишком длинная стрижка. Хотя она выглядела нарочито модной, но также была безупречной и очень шла к круглому лицу Олега, прикрывая слегка оттопыренные уши. Густые мягкие волосы его очень украшали. Держался он спокойно и естественно, как завсегдатай недешевых заведений, вроде этой кафешки.

Мы со следователем Олеховым сидели за столиком напротив Олега и Лизы. Нам хорошо были видны оба. До нас долетал только звонкий смех Лизы, о чем они разговаривают, понять было сложно.

— Не прислушивайтесь, — посоветовал мне тихо следователь, — все равно ничего не услышите. И не смотрите на них во все глаза.

Он попытался отвлечь меня разговором, начал спрашивать, давно ли я знаю Лизу, как мне нравится ее мини-юбка, кому пришла в голову идея устроить эту встречу на людях и зачем. Как я поняла, беседа была затеяна им главным образом для того, чтобы я выглядела естественней и не напоминала мумию с глазами, в которых — тревога и любопытство. Видимо, мое растерянное и напряженное выражение лица привлекало внимание.

— Вы действительно никогда раньше не видели этого Олега? Он не заходил к вам в музей? — спросил следователь.

— Нет, — покачала я головой.

— И вы не слышали раньше его имени в связи с пропавшей пленой?

— Нет, — снова ответила я.

В кофейне звучала музыка. Какая-то современная песенка, которая почти целиком состоит из одной фразы, повторяющейся много раз. Но вдруг мелодия оборвалась, и я вздрогнула, услышав:

— На волне «Русского радио» новости. Наш художественный музей собрался везти свои сокровища в Москву, на выставку на Крымском валу.

Но одного из этих сокровищ — старинной вышивки «Успение Богоматери» — недосчитались. 16-й век, между прочим. Ориентировочная стоимость раритета — несколько сот долларов. Как и когда именно украден бесценный предмет, выясняет следствие. Руководство музея не делится с журналистами информацией об исчезнувшем экспонате. Известно только, что вышивка «Успение Богоматери» пропала прямо из фонда. Причастность сотрудников музея к краже не исключается.

Далее по радио заговорили о том, что трамваи в городе не ходят из-за аварии на электроподстанции, о подорожании проезда в поездах, о коммунальных проблемах.

Я не слушала. Чашка с кофе дрожала в моей руке. Мне казалось, что все смотрят на меня. «Боже! Это моя причастность к гнусному преступлению не исключается!» — пронеслось в голове. Следователь держал себя внешне совершенно невозмутимо, так же как и другие посетители. По-видимому, кража из музея взволновала их ничуть не больше, чем проблемы с трамваями.

— Откуда разузнали? — тихо проговорила я.

— Не в интересах следствия распространять такую информацию. Я-то уж понимаю теперь, что пелена — не какая-то там вышивка... Тоже мне, журнальце, — ответил следователь.

Он был, как и я, удивлен этим сообщением по радио, да к тому же и возмущен немало. А Лиза как ни в чем не бывало болтала с Олегом. Семибратов, однако, услышав новость, встревожился. Это не укрылось от наблюдательного следователя. Через минуту Олег поднялся с намерением уйти из кофейни. Лиза также встала и что-то быстро и не без раздражения сказала ему. Олег ответил тем, что с улыбкой взял ее под руку. Однако эта улыбка мне не понравилась отчего-то. Слишком уж она была открытой, белозубой, словно напоказ. Так улыбаются актеры в рекламных роликах. Я поняла, что меня подсознательно раздражало в Олеге. Я ведь сразу сочла, что он почти безупречен. Разгадка этого «почти» заключается в видимой нарочитости всего облика Олега. Подчеркнутая корректность, продуманность всех деталей. Он напоминал не живого человека, а рекламный образ. Олег и Лиза, даже не взглянув в нашу сторону, направились под

ручку к двери. Олехов также встал, загасив сигарету и оставив в сторону чашку.

— Я прослежу за ними, — сказал он. — А вы идите домой.

— Но... — попыталась возразить я.

Он резко оборвал меня:

— Идите домой!

А сам последовал за Лизой и Олегом, фигуры которых уже были еле видны в ранних осенних сумерках.

Я осталась в полной растерянности и тревоге. На уме — ни одной мысли. Я никак не могла сообразить, что же мне делать. Бежать? Но куда? Ощущение опасности было настолько сильным, что подступала оторопь, как в кошмарном сне, я минуту-другую просто не могла двинуться с места. Все казалось смутным, нереальным.

— Так, — сказала я себе, когда в голове немного прояснилось, — сидеть здесь смысла нет. Лучше всего и в самом деле пойти домой и ждать. Чего?

Я была почти уверена, что совсем скоро разгадка будет найдена или... Об этом «или» я заставляла себя не думать, но по-прежнему кожей чувствовала опасность, которая грозит Лизе. Я шла домой в тумане, напоенном мельчайшими брызгами дождя, и мысленно негодовала на Лизу. Вот сумасбродка! И что я скажу Сане? Ведь он наверняка спросит меня, что происходит. Вечер между тем стоял теплый и безветренный, как весной. До чего ж переменчива у нас погода. Подходя к дому, я успокоилась кое-как. Наверное, Лиза или следователь Олехов догадаются мне позвонить, как только что-нибудь выяснится. Саня, как и следовало ожидать, заметил мое необычайное волнение. Но он решил, что причина тому другая.

— Звонил этот Ларс Енсен, — сообщил он, — несколько раз, очень волновался, что тебя нет. Что случилось? Где ты была?

Я ответила, что заходила на работу, там нет никаких новостей.

— Мама, — серьезно и даже немного торжественно сказал Саня, — ты не волнуйся только, послушай, что я тебе скажу...

Такое вступление могло означать и нечто важное, и сущие пустяки. Саня серьезным тоном сообщал мне, например, что он разбил чашку, и при этом просил меня не расстраиваться.

— Что там еще? — спросила я устало.

— Я просто хотел сказать, что ты, мама, вполне можешь на нас положиться.

— На кого?

— Да на нас с Лизой. Мы взрослые люди. Сами управимся со всем и за Катюшкой присмотрим. А ты... — тут его взгляд сделался грустным-прегрустным, как в детстве, когда он просил, чтоб я не водила его в детский сад, а брала с собой на работу, — ты можешь ехать.

— Куда? — проговорила я.

— В Италию с этим Енсенем. Или вообще, — голос Сани дрогнул, — насовсем. Мы справимся, вот увидишь. И ничего плохого с нами не произойдет. Университет я не брошу, Катерину буду поить-кормить по часам. Я знаю: на завтрак нужно заставлять ее есть кашу или омлет, следить, чтоб не бегала по улице с мокрыми ногами, и вовремя укладывать спать. Ты, мама, не волнуйся. Ты заслужила отдых, и вообще...

Я развела руками:

— Что — вообще?

— Вообще — счастье. Только теперь я понял, что ты не была счастлива. Тебе просто было некогда. Из-за нас. Ну и из-за работы тоже. Я-то понимаю, что если б не мы, ты давно бы написала эту кандидатскую. Ну что ты видела в жизни? Тряслась над каждым рублем. Себе-то ведь третий год ни юбки, ни пальто купить не можешь. Когда последний раз ты отдыхала? Не помнишь?

— Когда? — задумалась я. — В этом году, конечно, мне отдохнуть не удалось. Нужно было Катюшку лечить, и ты в университет поступал. А в прошлом году летом я на выходные на дачу к тете Марине ездила и с вами за город два раза. Отдохнула прекрасно. Да и никаких пальто, никаких юбок мне не надо. Глупости ты говоришь.

— Неправда, — резко прервал меня Саня, — так жить нельзя. В кои-то веки тебе повезло. А ты, я знаю, себя же в этом и винишь.

Я не знала, что ответить, а Саня заглянул мне в глаза:

— Ведь правда хорошо, что я у тебя вырос? Никаких проблем.

Вдруг подступили слезы. Я с трудом сглотнула комок в горле. Моя жизнь вдруг промелькнула перед глазами, представившись мне какой-то постоянной, безостановочной каруселью. День за днем. С утра до вечера. Успеть утром приготовить завтрак и обед. Не опоздать на работу. Все

мои маршруты протоптаны, все дорожки найдены из года в год. Глаз уже скользит по знакомым домам и улицам, по лицам знакомых и полужнакомых людей и ни за что, ни за кого не цепляется. В автобусе, в магазине, во дворе, на работе встречаются одни и те же соседи, попутчики, сослуживцы. Видимо, и они закружились уже давно в той же ежедневной карусели, что и я, и наши пути в каких-то точках постоянно пересекаются. Причем и пересекаются-то с унылым однообразием. Одно время мне даже казалось, что возможно в принципе прочертить траекторию жизни каждого человека, с рождения до смерти. Какая-то неведомая, не злая и не добрая, а просто равнодушная ко всем и всему сила, вроде механизма, управляет нашим существованием. Удачей мне казалась сотня рублей, сбереженная от одной полочки до другой, четверть часа отдыха в автобусе по дороге с работы, если удастся пристроиться на сиденье с сумками.

Конечно, я убедила себя, что счастье возможно. Только не случайное, вдруг свалившееся на голову, как выигрыш в лотерее, а долгожданное. Но оно — впереди. Вот вырастут дети. Станут известными, уважаемыми людьми, будут много зарабатывать, обзаведутся семьями, появятся у меня внуки — все в меня. Я буду тихо радоваться, глядя на такое благолепие. И в этом — счастье! В это я верила крепко. Об ином я и не мечтала. Боялась. Есть ли что там, куда нет доступа не только взгляду, но даже воображению человеческому, — бог весть. Поскольку я занимаюсь древнерусским искусством, я, конечно, знала, как рисует святое писание ад и рай, но с собой, своей земной жизнью, все это не связывала. Мелькала в голове даже потаенная атеистическая мыслишка: вот поверишь в это, а потом окажется, что и нет ничего подобного. Или же нет справедливости и в иной, загробной, жизни. Как должно быть обидно праведникам, если их вдруг да надуют по самому большому счету?

Я задумывалась об этом в самый неподходящий момент. Например, когда я смотрела на изображение Казанской Богородицы, что установлено на рабочем столе моего компьютера. Богородица кротко взирала на каждого персонально, а мне казалось, что в этом взгляде — сожаление. Сожаление о том, что никакой награды за наши незаметные повседневные труды, в

сущности, нет. Впрочем, это мимолетное настроение, которое скоро проходило. Это не раздражение даже, а привычная усталость, как горб для горбатого или слепота для слепого от рождения. И все же что-то в душе то ли саднило, как старая рана, то ли тихо согревало, как неворошенный жар отгоревших углей.

Я невольно улыбнулась невеселой улыбкой и спросила Саню:

— А вы будете без меня скучать?

Он кивнул.

— Очень?

Он снова кивнул и потупился.

Я представила, что будет, если я все же уеду. Хотя бы на две недели в Италию. Катюшка будет капризничать по утрам, размазывая по тарелке манную кашу с комками. Без комков Саня варить ее не умеет. Он будет нервничать и кричать на сестру, она — дуться и нарочно копать, застегивая пальто и зашнуровывая ботинки. А ночью ей будут сниться сны, о которых она обычно говорила — «серые». Есть цветные сны, есть черно-белые и есть серые, так она считала. Серые — самые тягучие и скучные. От этого она будет ворочаться во сне и плакать, а Саня — прислушиваться, не заболела ли, и, тихо ступая на цыпочках, пробираться к ней в комнату, чтобы поднять упавшее одеяло и укрыть капризулю потеплее. Все это: и серые сны, и невкусная манная каша — от пустоты. А пустота и на душе, и в квартире от того, что меня нет рядом.

— Нет, Саня, — сказала я уверенно, — никуда я не поеду. Так и знай.

И Саня вдруг расплылся в радостной улыбке. Наверное, и ему была страшна и горька эта серая пустота. Да и мне, я уверена, было бы пусто и неуютно в Италии, как там ни солнечно и ни красиво.

— Когда-нибудь все мы поедем. Далеко-далеко, — промолвила я мечтательно.

— В Италию? — спросил Саня.

— Да хоть на Канары, — сказала я.

Он улыбнулся в ответ:

— Ну, конечно. Мы увидим небо в алмазах. Поезжай-ка ты этим летом на дачу к тете Марине на целую неделю. И загорай там на речке. Чем не Канары?

Тут зазвонил телефон. Это была Марина. Легка на помине.

— Ну как, — спросила она меня с ходу, — что ты решила?

— О чем ты? — вздохнула я.

— О чем? Да я тебя спрашиваю, решила ты наконец о себе подумать? Едешь в Италию?

Я ответила не сразу:

— Сама же говорила, что за границу ты бы не уехала, особенно насовсем. А меня, значит, посылаешь?

Марина затараторила про то, что жизнь одна и к тому же короткая, что меня на всех не хватит, что дети — существа неблагодарные по определению, а раз на работе меня не ценят, даже в Москву взять не захотели, пусть им будет хуже. Сдалось мне это древнерусское искусство. И далее в том же духе. Я слушала и не слышала словно.

— Что ж ты молчишь? — крикнула Марина.

— Думаю, — ответила я.

Марина вздохнула:

— О чем?

— Кажется, мы близки к тому, чтобы найти эту пропавшую пелену.

— Тьфу ты, — рассердилась подруга, — кто про что, а лысый про расческу. Не циклись! Не твое это дело. Найдут — хорошо, нет — не твоя забота. Ты о себе подумай. О себе!

Я попыталась было заикнуться, что пелена уникальная.

— Ты тоже уникальная, — парировала Марина, — не на помойке ты найдена. Умная, красивая, а интересов — тряпка какая-то многовековой давности. Что с тобой говорить!

Я пообещала, что подумаю обо всем серьезно, попрощалась и положила трубку: надеялась, что позвонит Лиза или следователь Олехов.

Позвонили не они, а Ларс. Он проговорил своим характерным баритоном с хрипотцой и заметным акцентом:

— Добрый день, есть ли какие-то новости?

Я сказала не сразу:

— Возможно. То есть я надеюсь, что они будут.

— А у меня есть, — отозвался Ларс.

— Хорошие?

— Хорошие или нет, наверное, не знаю. Такие, которых я не ожидал, — голос его звучал как-то напряженно и глухо, и отвечал он не вдруг, словно с трудом подбирая слова.

Я подумала, что телефон немного искажает

звучание. Ларс проговорил после секундного неловкого молчания:

— Я хочу все с тобой спокойно обсудить. Ты согласна?

Я, разумеется, ответила, что согласна.

— Тогда приезжай ко мне.

— Нет, к сожалению, сегодня не могу, — ответила я. — Завтра, ладно? Когда тебе удобнее?

— Тогда завтра после шести, — ответил Ларс, — за тобой заехать?

— Нет, не надо, — сказала я.

Опять пауза. Ларс спросил:

— Я позвонил не вовремя?

— В общем — да, — ответила я.

Он сказал:

— До свидания, — и положил трубку.

Этот разговор, наверное, заставил бы меня в иное время призадуматься и даже встревожиться. Была в голосе Ларса какая-то настороженность, растерянность. Но на уме у меня в тот момент было другое: как обстоят дела у Лизы? Я вспоминала вновь и вновь каждый ее жест, взгляд в кафе. По всему было видно, что разговор между ней и Олегом был напряженный. Как-то все обернется? Утешало то, что Олехов заранее узнал адрес Олега и навел о нем через паспортный стол, налоговые органы самые подробные справки. Что удалось выяснить, следовательно мне не сказал. Только намекнул, что проблемы у Семибратова с правоохранительными структурами были. Это тем более меня настораживало. Я понимала, что бесшабашная Лиза действовала на свой страх и риск, она не рассказывала ни мне, ни следователю о своих планах.

Настроение мое становилось все более и более сумрачным и тревожным. Саня стал допытываться, что происходит, тоже начал волноваться. Чтобы как-то отвлечь его от мрачных мыслей, я его отправила в детский садик за Катюшкой, а сама принялась взад и вперед ходить по комнате в тревожном ожидании.

Я поручила Сане зайти по пути в магазин и купить продуктов на завтра. По моим расчетам, вернуться он мог через час, не раньше. Я взяла этот тайм-аут, чтобы как-то сосредоточиться, но не получалось.

Ожидание становилось гнетущим. Темнота за окнами окончательно сгустилась, и уже было не видно, кто идет по дороге, освещенной слабым светом уличных фонарей, к нашему подъезду

или проходит мимо. Фонарь у подъезда не горел. Можно было различить лишь темные силуэты, сколько я ни всматривалась. Наконец мне показалось, что мелькнула знакомая тень. Лизу можно было узнать по легкой и быстрой походке. Она не шла, а бежала, высоко вскинув голову и расправив плечи. Я перевела наконец-то дух. Через минуту раздался звонок и на пороге появилась Лиза, взволнованная до невозможности.

— Йес! — крикнула она. — Я же говорила, говорила, что распутая это дело? Вот и распутала!

Глава двенадцатая

Лиза прекратила издавать нечленораздельные победные вопли, но азартный блеск в ее глазах не потух. Я распорядилась, чтобы она помыла руки и шла на кухню ужинать. Но прежде чем послушаться, Лиза порывисто обняла меня: — Ой, это просто невероятно! Неужели это я до такого додумалась! И ведь получилось! Получилось!

Я забыла о том, что хотела отругать ее на чем свет стоит за сумасбродство. Победителей не судят, а у Лизы был вид победительницы. За ужином она рассказала мне все.

На свидание с Олегом в кофейне Лиза нарочно опоздала минут на десять, чтобы я и Олехов понаблюдали за ним со стороны. Мы видели, как Олег зашел, огляделся, заказал чашечку кофе и сел за столик у окна. Он ничем не выделялся среди других посетителей, но по Лизиному описанию я его сразу узнала. Лизу он заметил сразу же, как только та вошла. Она помахала ему рукой и уселась рядом, стянув вязаную шапочку и расстегнув короткое пальто. Разговор, как сказала мне Лиза, между ними поначалу шел малоинтересный, вертелся вокруг одной темы: скорого отъезда Олега. Лизе удалось выяснить, что он не просто так наладился за океан. Там у него есть друзья, которые помогут, поддержат на первых порах. Лиза спросила, чем же конкретно он думает там заниматься.

— Торговлей, — ответил Олег, — конкретнее — пока не знаю.

Лиза попыталась осторожно выведать, сколько же денег у него прикоплено. Ведь на пустом месте бизнес не начнешь. Да и друзья, будь они

трижды закадычные, так просто, за здорово живешь, не помогут. Олег согласился с этим, но относительно имеющихся у него денег и их количества промолчал. Сказал только, что за него беспокоиться не надо. Здесь он не бедствовал и на Западе не пропадет.

— А я слышала, что дела твои шли неблестяще. Фирмы, в которые ты вложил свои деньги, успешно обанкротились, — попивая кофе, как бы между прочим сказала Лиза.

Олег насторожился. Я это заметила. Физиономия его вдруг вытянулась, лоб наморщился. Олег, разумеется, не дурак. Сразу понял, что Лиза не простушка. Смекнул, что источники информации у нее есть, и надежные. А Лиза нарочно дразнила и раззадоривала его любопытство и вселяла тревогу. Тут-то он догадался, что имеет дело отнюдь не с юной сумасбродкой, которой загорелось за границу любым способом. Есть ведь немало молодых да ранних, для которых Брайтон-бич — предел мечтаний. Возможно, Олег заподозрил, что Лиза как-то связана с правоохранительными органами. Хотя трудно себе представить, чтобы в этих органах привечали таких лупоглазых и востроносых.

Заинтриговав собеседника, Лиза сделала попытку уйти, якобы она спешит. Олег цепко ухватил ее за рукав и усадил рядом с собой. Это я тоже видела. Он не стал ее ни о чем расспрашивать. Завел речь о том, как она ему нравится, какая она красивая. Очень, дескать, жаль, что приходится расставаться, но он готов всей душой помочь ей. Лиза сделала ушки топориком, словно забыла о том, что минуту назад торопилась. А потом затараторила как сорока. Она говорила и говорила, как ей все тут надоело: вечное безденежье, ублюдки-поклонники, которые только и знают, что тащить в постель, а толку от них — ноль. Встретить хорошего обстоятельного человека трудно. Почти невозможно. Она отдавала себе отчет, что бдительность Олега усыпить ей не удалось. Он, видимо, мучительно размышлял: ломает девчонка комедию или же и в самом деле вертихвостке что-то стало известно о его прошлом? Возможно, она разнюхала или случайно узнала кое-что о его сомнительных делах и теперь хочет, так сказать, взять его на пушку, чтобы вернее добиться от него помощи с устройством за границей? Во всяком случае, Лиза так читала его мысли и опасения.

— Сама понимаешь, давно совершеннолетняя: бесплатных пирожных не бывает. А красивой девушке, к счастью, всегда есть чем расплатиться, — сказал он и легонько сжал Лизин локоть своей узкой длиннопалой рукой.

Это был пробный шар! Лиза не вышла из роли. Она заморгала как кукла и улыбнулась обезоруживающе наивно. Девушки определенного сорта именно так и реагируют: чем циничнее разговор, тем наивнее улыбка и лучезарнее взгляд. Выдержка Лизе не изменила ни на минуту.

— Понимаю, — ответила она с легким вздохом. — Лишь бы толк был. А то ведь есть такие подлецы, что надуют за милую душу. А может, и ты врешь? Откуда мне знать, уезжаешь ты или нет.

— Скоро документы будут готовы, — ответил Олег. — Покажу.

— Пусть и так, — подумав и стрельнув туда-сюда глазками, протянула Лиза. — Да что от тебя проку? Наверняка у тебя хватит финансов лишь на то, чтоб осесть в Хайфе, где живет твоя бабушка, и торговать там мацой. Мне это не подходит. На Ближнем Востоке жарко. В смысле — постреливают. И перспектив там лично для меня никаких. Не хочу! До Штатов ты вряд ли доберешься.

Олег не стал ее разубеждать, просто посмотрел так, что Лизе стало понятно: есть у него надежда на лучший вариант, нежели Хайфа.

Все время их разговора по радио вперемешку с пустой болтовней диджея звучали заезженные песенки, узнаваемые едва ли не с первого аккорда. Никто не обращал внимания на эту музыку. Но когда «Русское радио» стало передавать местные новости, Олег застыл. Новость про кражу в музее он слушал, отставив чашку с кофе и прикусив губу. В отличие от Лизы, он владел собой далеко не безупречно. Во всяком случае, волнение и тревогу на его лице в этот момент можно было прочесть без труда. Лиза сама сочинила новостью для «Русского радио» и подкинула ее ребятам, которые там работали. Для нее не составило труда договориться со студентами, подрабатывавшими в кофейне, чтобы в определенный час радио там было настроено на нужную волну. Лиза хотела своими глазами видеть, какова будет реакция Олега, когда речь пойдет о пропавшей пелене. Когда Олег вышел из минутного ступора, Лиза как ни в чем не бывало зашебетала о том, что один зна-

комый, который работает в прокуратуре, рассказывал ей про кражу в музее. Кажется, даже найден подозреваемый. И вообще, журналисты, как всегда, многое перепутали.

— Что перепутали? — резко спросил Олег.

— Ну, про эту вышивку. Вообще-то, это не вышивка. Она называется как-то иначе. Не важно, вещь очень ценная. Стоит триста тысяч баксов, не меньше.

Вот тут Олег поразился окончательно. До полного остолбенения. А Лиза, словно не замечая этого, встала и решительно заявила:

— Ну что ж, до скорого. Если, конечно, ты не уедешь в ближайшие дни. Звони.

Она собралась уже было направиться к двери, но Олег остановил ее.

— погоди. Есть у меня для тебя отличный вариант. На будущее. Один мой знакомый. Американский бизнесмен. Бывает в Москве. Содержит агентство по найму в Нью-Йорке. Он не раз помогал русским девушкам с работой.

— Да ну тебя, — скривилась Лиза, — я в случае чего сама в агентство обращусь — и все дела.

— Обратишься? Без рекомендации? — спросил Олег с сарказмом. — Впрочем, тебе жить, тебе решать. Но шанс уж больно подходящий.

Лиза сделала вид, что задумалась, затем махнула рукой:

— Давай телефон.

— Баш на баш, — ответил Олег, — я тебе — адрес, телефон и рекомендацию, а ты мне выкладываешь все, что знаешь про эту чертову кражу. Идет?

Лиза опять будто бы замаялась, потом ответила:

— Идет. Попытка не пытка.

— Все координаты этого американца у меня дома, — проговорил Олег. — Приглашаю. Правда, работа на первых порах официанткой в баре или стриптизершей. Пойдем, сразу обо всем и договоримся.

Лиза начала отнекиваться, дескать, некогда ей, но Олег пожал плечами:

— Как хочешь. Боюсь, что потом у меня времени не будет.

Я со стороны видела, что разговор становится напряженным. Лиза в ответ кивнула, и они пошли. За Лизой и Олегом столь же внимательно, как я, наблюдал и Олехов. Следом за ними он пошел так, что не привлек ничьего внимания и не вызвал подозрений. Лиза и

Олег направились сначала на автобусную остановку, а затем — к дому Олега. Следовательно шел на некотором расстоянии и не слышал, о чем они говорили. Лиза заприметила его фигуру в отдалении и перевела дух. Мне она призналась: «Ну и страшно же было!»

Беззаботно щебеча по дороге, Лиза поинтересовалась между прочим, зачем это Олегу непременно надо знать про кражу в музее. Тот ответил, что детективный роман пишет, вот и собирает материал. Сказал это он вроде в шутку. Лиза не стала продолжать про кражу и принялась расспрашивать про состоятельного американца, о котором Олег завел речь: кто тот да откуда. На вопрос, где и когда Олег познакомился с этим американским бизнесменом, парень ничего вразумительного сказать не мог, пояснил только, что знаком с ним еще с тех времен, когда жил в Питере. Там они и встретились.

— Когда это ты жил в Питере? — спросила Лиза. — Возможно, американец уже переменял род занятий или помер.

— Нет, — ответил Олег, — и я это точно знаю, мы переписываемся.

Лизе окончательно стало ясно, что американец — миф, фантом. Таким образом Олег просто-напросто хочет заманить ее к себе на квартиру. Ей стало бы и вовсе не по себе, если б она не знала, что Олехов идет за ними следом. Однако неподалеку от дома Олега она потеряла Олехова из виду, и решимость покинула ее.

— Я вспомнила! — воскликнула Лиза почти умоляющим тоном, намереваясь ретироваться, — мне нужно позвонить. Срочно. Мобильник у меня разрядился. Мне нужно идти.

Этот возглас заставил Олега насторожиться еще больше. Он цепко ухватил Лизу за руку.

— Что за спешка? — подозрительно спросил Семибратов. — Позвонишь от меня. Тем более что мы уже и пришли.

Действительно, до подъезда, где жил Олег, оставалось буквально несколько шагов.

В двухкомнатной квартире Олега был полный кавардак: мебель сдвинута, диван прикрыт полиэтиленом, а на нем разложены вещи, пока еще не упакованные в чемоданы. Несколько вместительных кейсов, сумок и кофров громоздились по углам. Но когда-то — это было заметно — комнаты были очень даже уютными и со вкусом обставленными. Стены

в той, что была гостиной, оклеены обоями разного цвета, а пол покрыт бледно-зеленым ковролином. На стенах виднелись гвоздики от картин, по-видимому, уже проданных. Остатки уюта сохранились и на кухне, обставленной в русском стиле.

— Сижу на чемоданах в буквальном смысле, — пояснил Олег, — квартиру, вещи — все продаю. Уже нашел покупателей.

Как оказалось, радиотелефон в квартире не работал. Лиза попросила позволения позвонить по мобильному Олега.

— Прямо не знаю, куда я его сунул. Найду потом. Выпьем для начала, а? — предложил он.

Лиза ответила, что не прочь, смотря что пить. У Олега нашлась бутылка бренди и французское вино, не из дешевых. Лиза после минутного размышления сказала:

— Отлично. Если есть лимон, лед и тоник, коктейль можно сочинить что надо.

— Я посмотрю, — ответил Олег и пошел на кухню к холодильнику.

В его хозяйстве нашелся апельсиновый сок, что тоже неплохо для коктейля. Лиза занялась приготовлением напитка, и через несколько минут они потягивали из высоких стаканов через соломинки кислотовато-сладкую смесь.

— Рассказывай, что тебе известно про пропавшую музейную штуквину, — потребовал Олег.

— Надо же, как это тебя задело, — сказала Лиза.

Олег закурил и, пристально глядя на Лизу, продолжал:

— Я же говорил: сочиняю детектив, — на этот раз ни тени шуток или улыбки не было в его облике и словах, — только детектив этот может быть с плохим концом, если ты и дальше намерена темнить, а ну-ка выкладывай.

Лиза, как ни бесстрашна она была, невольно поежилась:

— Ничего мне не известно, — ответила она почему-то тоненьким писклявым голосом. В этот момент у нее даже в горле запершило.

— Про цену этой тряпки от кого знаешь? — спросил Олег.

Лиза немного приободрилась и ответила уже спокойнее:

— А это и не секрет. Про это многие в музее знают. Вот и я слышала. Случайно.

— Это точно, что цена этой допотопной хре-

ни больше трехсот тысяч долларов? — вновь последовал вопрос.

Олег спрашивал, как из пулемета выстреливал: с ровной и жесткой интонацией.

— Точно. Больше, — заверила Лиза, — значительно больше. Такие вещи на аукционах продают, там их истинная цена и определяется.

— Черт! — воскликнул вдруг Олег и помрачнел лицом.

Он вдруг заговорил отдельно и почти шепотом, но этот шепот был слышнее и страшнее истошного крика:

— Слушай, кукла чертова, или ты все рассказываешь мне. Всё! Или ты отсюда не выйдешь. Никогда.

Лиза вновь собралась с духом, отставила в сторону стакан с коктейлем и проговорила:

— Хорошо, я расскажу все... как все было.

Она выпрямилась в кресле как струна, а Олег не спускал с нее напряженного и злобного взгляда.

— Ты украл пелену и убил Зою Березину, — заявила Лиза.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, а Олег в бессильной ярости и досаде сжал губы. Лиза продолжала:

— Ты пришел в фонд в пятницу вечером, заранее позвонив Зое Березиной по телефону. Она была одна. Открыв дверь, Зоя пошла наверх по лестнице, чтобы надеть пальто. А ты остался у входной двери. Пальто висело в шкафу. Чтобы открыть дверцу шкафа, которая загромождала письменный стол, — а именно на столе и лежала эта пелена, — надеть пальто и шапочку, взглянуть на себя в зеркало, которое висит с обратной стороны дверцы, Зое потребовалось буквально двадцать секунд. Ну полминуты. Я проверяла. За эти считанные секунды ты быстро и бесшумно вбежал по двадцати ступенькам лестницы, схватил со стола пелену, спрятал ее за пазухой. Этого времени тебе как раз хватило. Чтобы Зоя, уходя с тобой из фонда, не взглянула на письменный стол, ты отвлек ее. Думаю, ты ее просто поцеловал, а потом поволок вниз по лестнице, якобы в спешке. Ведь так?

— О чем ты говоришь? — справившись с удивлением, сказал Олег. — Зоя? Какая Зоя?

— Я знаю и то, что было дальше, — повысила голос Лиза. — Зоя именно тебя заподозрила в краже. Она, по-видимому, прямо сказала тебе,

что заявит обо всем следователю. Ведь если не ты взял пелену, то кто? Если бы не хлопоты с отъездом, ты бы не стал ее убивать. Одно ее свидетельство еще не доказательство твоей причастности к преступлению. Но дело с переездом наверняка если не сорвется, то застопорится из-за расследования. Ты это понимал.

Олег был полон холодной ярости.

— Ах ты мерзкая! — воскликнул он, уронив полупустой стакан с коктейлем. — Кто тебя подослал? Менты? Прокуратура? На кого работаешь?

Лиза не обратила внимания на этот выкрик.

— Вот почему ты решил убить Зою, — продолжала она. — Ты убедил ее, что готов покаяться в краже, вернуть пелену, и назначил ей встречу в проходном дворе. Она именно тебя там поджидала, когда на нее наехал «жигуль», за рулем которого был опять же ты! Расчет был верный. Зоя уже не смогла подняться после смертельного удара и замолчала навек. Я уверена, что все было именно так.

— Это надо доказать, — ответил Олег.

— Есть и доказательства.

— Какие?

Лиза молчала и улыбалась не менее ядовито, чем Олег минуту назад.

— Отвечай, — крикнул он, потеряв самообладание.

Как хорошая актриса, Лиза не спешила прерывать паузу.

— Зачем же так кричать, — сказала она наконец, чуть придвинувшись к Олегу и понизив голос, — не надо кричать. Это сейчас не в твоих интересах. А если я на себя работаю? Если меня никто не подослал? Может быть, со мной можно договориться, а?

— Чего резину тянешь? — устало выдохнул Олег.

Нет, не выглядел он матерым злодеем из детективного сериала.

Тут Лиза достала обычную магнитофонную кассету из кармана джинсов:

— Вот, — сказала она. — Это Зоины показания. Она мне все рассказала в тот день, когда обнаружилась пропажа в музее, а я записала на магнитофон. Как чувствовала, что может пригодиться. Там все про тебя сказано, в подробностях.

Тут Олег неожиданно бросился на Лизу, оттолкнул ее так, что она упала, больно ударившись о стул боком, выхватил у нее из рук кассету. Ед-

ва Лиза встала, держась за бок и пошатываясь, он ударил ее вновь по лицу, она снова отлетела в противоположный угол комнаты.

— Ты у меня еще поплачешь слезами кровавыми, дрянь! — услышала Лиза как сквозь сон.

Голова ее противно кружилась, а из разбитой губы шла кровь. Страх, как ни странно, она не испытывала. Ушел страх. Просто Лиза думала, что малость просчиталась, слишком понадеялась на себя. В душе закипало чувство обиды, досады на собственную самонадеянность, а не страх.

Лиза собрала всю свою волю. Она уже окончательно пришла в себя. «Если и есть сотрясение мозга, то небольшое. Переломов нет. Пройдет, — решила она, — а губа — это вообще пустяки». Хотя Олег со злости ударил ее достаточно сильно, но совсем не профессионально. Не прицельно. Не сжатым кулаком, а костяшками пальцев. Сам при этом поранил руку о Лизины зубы. Зубы остались целы.

— Я придушу тебя, — зашипел Олег, исходя ненавистью, помахивая поврежденной рукой.

Лиза только усмехнулась в ответ:

— Не сможешь.

— Почему это? — спросил Олег.

Лиза встала неожиданно пружинисто, почти без помощи рук, облизнула губу и заговорила размеренно и четко, как диктор.

— Думаешь, я законченная дура? Не придумала заранее, как мне от тебя выбраться? Да ты под колпаком! Времени у тебя нет, чтоб меня прикончить. За тобой уже идут. С минуты на минуты будешь в браслетах.

Лиза совсем не была уверена, что вот-вот появятся оперативники. Но Олег поверил. Он заметался по комнате. Сунул кассету в магнитофон, включил. Послышались звуки «Маленькой ночной серенады» Моцарта.

— Вот-вот, — проговорила Лиза, — под музыку ты в кутузку и отправишься. Зоино признание не с начала записано.

Голова у Лизы заболела только тогда, когда в дверь раздался стук и послышались голоса:

— Откройте, полиция!

В дверь настойчиво ломились. Олег не двигался с места. У Лизы тоже не было сил встать и пойти открыть. С ходу в квартиру ворвались двое оперативников и следователь Олехов. Олехов первым делом бросился к Лизе:

– Ну как, жива? Кто тебя просил лезть на рожон?

Лиза только развела руками. Дескать, нет проблем.

– Вы хозяин этой квартиры Олег Семибратов? – спросил он у Олега, пройдя в комнату.

Тот ответил безразличным тоном:

– Знаете же, чего спрашивать.

– Вы подозреваетесь в том, что наехали на автомобиле «Жигули» на Зою Березину, отчего она скончалась, а вы с места происшествия скрылись. Автомобиль разыскан. Рисунок протектора шин, оставленный машиной на месте преступления, соответствует тому, что на шинах ваших «Жигулей». Кроме того, на бампере – вмятина, образовавшаяся от удара о столб, с которым вы столкнулись.

Олег молчал. Следователь воскликнул, обращаясь к одному из милиционеров:

– Да выключите вы музыку.

Тот выключил магнитофон. А Лиза, многозначительно помолчав, заметила:

– Правильнее сказать – этот тип совершил не наезд, а убийство. Да-да!

Олег встрепенулся:

– Нет, я не хотел, я не убивал.

– Вы уверены в этом? – строго спросил Олехов Лизу. – Что вообще здесь происходило?

– Что? – Лиза подошла к магнитофону и вынула кассету. Затем она сказала с усмешкой, обращаясь к Олегу: – Тут только Моцарт. Больше ничего.

Она подошла к дивану, на котором валялись джемпера, джинсы и куртки Олега, и взяла свою сумку, открыла ее и достала диктофон.

– Я все записала, – сказала Лиза и включила воспроизведение. Качество записи было так себе, но разобрать все же было можно. Следователь слушал внимательно, двое милиционеров наблюдали за Олегом. Тот сидел как неживой.

– Это клевета, – сказал он, – это просто вздор. Я ничего не крал и никого не убивал.

– А машина? – напомнила Лиза.

– Я тут ни при чем. Я одалживал ее приятелю.

– Это легко проверить, – возразил следователь.

– Есть еще одно доказательство, – сказала Лиза и достала из сумки маленький клочок шерстяной подкладочной ткани в клетку, – вот оно. Ты сбегал с лестницы, прихватив пелену, так стре-

мительно, что зацепился за закорючку, – обратилась она к Олегу. – Там много таких закорючек. Кованые цветочки-лепесточки. Плащ ты порвал, возможно даже не заметив этого впопыхах. Но следы, как видишь, остаются. Доказать, что этот клочок вырван именно из подкладки вот этого плаща, проще простого.

Плащ лежал на диване, в гряде других вещей. Лиза взяла его и передала вместе с клочком ткани следователю.

– Это фальсификация, – взвизгнул Олег, – я протестую!

– А это? – спросила Лиза, достав из сумки мобильник Олега и радиотелефон.

– Я на всякий случай, пока ты возился с коктейлями, прихватила это, – заметила она, – и не зря. Тут в памяти все номера, по которым ты звонил.

Олега задержали. Следователь долго распекал Лизу, провожая ее домой, за неуместную инициативу, головотяпство, которое едва не привело к тяжелым для нее последствиям.

– Доказательства-то получены с нарушением процессуальных норм, – сказал он, – просто не знаю, что теперь делать.

– Процессуальные нормы! – ворчала Лиза. – Да с волками жить – по-волчьи выть. Этого типа если не обманешь, так и не разоблачишь. Я кто? Глупая любопытная девчонка, и только. А вызови такого следователь, он сразу же насторожится. Концы в воду, и – шасть за границу. Ну, признайтесь, ведь это дело я, по сути, раскрутила? Конечно, и вы мне помогли.

– Самую малость, – усмехнулся следователь, – однако ж и мы не лыком шиты. Удалось-таки кое-что накопать. Этот Олег свои денежки нажил самым что ни на есть мошенническим путем. Все банкротства-то его фирм были ложными. Этим УБЭП занимается. А ниточки-то тянутся далеко, к очень высокопоставленным людям и в налоговой, и в мэрии. Некоторые чиновники на многие художества Олега и трюки его подельников с бухгалтерской отчетностью закрывали глаза, небескорыстно, разумеется. Так что за границу этого субчика мы бы не выпустили. Влип он крепко.

Лиза, конечно, живо заинтересовалась сомнительной деятельностью Олега на поприще бизнеса. Но Олехов ничего больше ей не сказал. Лиза обиженно поджала губы:

— Ну вот, вы даже и не поблагодарили меня за помощь.

— Ничего, это еще не конец. Успею поблагодарить, — ответил Олехов.

— Что вы имеете в виду? — спросила Лиза.

— Вы думаете, что Семибратов действовал один? Я не уверен. Конечно, Зоя стала его невольной пособницей. Но ведь это он возобновил с ней знакомство, судя по всему. И совсем недавно. Не просто так, надо полагать. Значит, о пелене ему было уже известно, и не от Березиной. Логично?

— Это только предположения, — пожалала плечами Лиза.

Она предпочла бы, чтобы все разрешилось окончательно и задачка сошлась с ответом. Хватит уже хлопот и неприятностей.

— Разумеется, предположения, — согласился Олехов, — но над этим стоит подумать.

Он проводил Лизу до угла нашего дома и отправился на службу, хотя время было уже позднее.

Лиза рассказала мне обо всем с горящими глазами и буквально вне себя от пережитого волнения. Она попросила валерьянки, чтоб успокоиться окончательно до прихода Сани, и примочку, чтоб залечить разбитую губу. Мы с ней договорились, что в подробности этого приключения посвящать Саню не будем.

— И как только у тебя хватило духу пойти к этому преступнику? — сказала я одновременно и восхищенно, и возмущенно.

Представить страшно, к чему могла привести Лизина бесшабашность. Я почти со слезами говорила, что она не только себя не жалеет, но и не шадит ни мои, ни Санины нервы. Ведь если б с ней что-то случилось, Саня бы этого не простил ни себе, ни мне.

— Преступник-то он, конечно, преступник, кто спорит. И самое место ему в зоне. Но, однако ж, он порядочно малодушен. И Зою он убил из страха, — рассудила Лиза.

— Малодушные люди в иных случаях ни перед чем не останавливаются, — не согласилась я.

Тут пришли Саня и Катерина, и разговор наш пришлось прекратить. Саня, конечно, заподозрил, что случилось нечто из ряда вон выходящее, и даже попытался выспросить у нас, отчего мы так загадочно молчим, улыбаемся и переглядываемся.

— Звонил следователь, — только и сообщила я, — сказал, что задержан подозреваемый в обоих преступлениях.

— Кто? — округлила глаза Катюшка.

— Завтра все узнаем, — ответила Лиза.

А про разбитую губу она сказала, что якобы споткнулась у подъезда и упала.

Глава тринадцатая

На другой день утром я сидела в кабинете следователя Олехова.

Саня хотел было увязаться за мной. Катюшка тоже вызвалась пойти в полицию, чтоб поддержать меня. Одна Лиза скромно потупила взор. Уж она-то не упустит возможности быть в нужное время в нужном месте! Рассудили так: поскольку Олехов приглашал меня и Лизу, остальным в полиции делать нечего, но мы с Лизой подробно расскажем, как прошла беседа.

Первой Олехов пригласил меня. В кабинете следователя, помимо письменного стола Олехова, стояли еще три стола. Довольно разболтанные стулья, два шкафа для одежды и стеллажи с папками довершали скромную меблировку казенного дома. Даже занавесок на окнах не было. По-видимому, следователи все свое время без устали ловили преступников, потому что два чахлых цветочка на подоконнике не поливались, как я заметила, неделями. В цветочные горшки, по-моему, еще и пепел с сигарет стряхивали.

За одним из столов сидела, видимо, секретарша или техническая служащая и подшивала бумаги, за другим развалился молодой человек, взгромоздив ноги на тумбочку, приспособленную под компьютерный процессор. Компьютер в помещении был один, и то старенький.

Олехов мог предложить мне только расшатанный стул, на который нельзя присесть, не зацепив колготки. Молодой человек, сидевший задрав ноги, встал, кивнув в ответ на мое приветствие, а девушка за столом, заваленным бумагами, даже не повернула головы в мою сторону. Коллега Олехова, поднявшись с места, стал энергично прохаживаться по кабинету, поднимая и опуская плечи и вращая головой, чтоб размяться. Затем он вышел в коридор. Я заключила, что посетители здесь — дело обычное.

— Вы в курсе вчерашних событий? — спросил Олехов.

Я кивнула. Затем начала расспрашивать обо всем и по порядку. Найдена ли пелена? Что сказал на допросе Семибратов? Что думает делать следователь дальше?

— Пелена пока не найдена, — ответил Олехов, — Семибратов ни в чем не сознался, хотя в его причастности к краже и убийству у меня лично нет никаких сомнений.

— Что он за человек? — спросила я.

— Дрянной человек, — ответил Олехов, задумавшись, — пока есть резон, будет молчать и требовать адвоката, а как только по-настоящему запахнет жареным — все и всех продаст, чтобы свою шкуру спасти. На умного и расчетливого преступника он не тянет.

Следователь вздохнул и сказал, посмотрев в окно на осеннюю слякоть:

— Так уж нам повезло, что приходится иметь дело преимущественно с таким народцем. Но какова эта ваша сноха незаконная! Огонь! И как вы только с ней уживетесь-то?

— Ничего, — улыбнулась я, — она по гороскопу Овен, огненный знак, а я — воздушный, Близнецы. Огонь с воздухом прекрасно уживаются.

— К делу! — встал следователь, затем он достал из папки неподшитый документ и подал его мне. — Вот, посмотрите. Это перечень телефонных номеров, по которым звонил со своего мобильного и телефона Семибратов с указанием даты и времени звонка. Возможно, тут вы встретите знакомые вам номера. Мы пока еще не успели проверить.

Я захватила с собой свою записную книжку. Список номеров был довольно длинным. Поначалу мне показалось, что знакомых номеров нет, за исключением номера моего рабочего телефона.

— Да, действительно, — покачала я головой, — очевидно, именно после звонка Семибратова Зоя и побежала с работы в тот роковой день, когда погибла. Серафима Петровна говорила, что в пятницу около пяти Зоя разговаривала по телефону с молодым человеком. Готова поспорить, это тоже был он, Семибратов!

— Посмотрите получше, — попросил следователь. — Может, есть еще известные вам номера.

Я еще раз пробежала список глазами. И тут-то один из указанных там номеров мне пока-

зался вроде бы знакомым. Я открыла записную книжку, чтобы свериться. Ну конечно! Это был номер телефона Сергея Сергеевича, того самого, бывшего сотрудника комитета по культуре. Я просто руками развела от неожиданности и удивления.

— Ничего не могу понять, это какая-то ошибка, вероятно, или просто совпадение.

— Что? — насторожился следователь.

— Я знаю человека, номер домашнего телефона которого указан вот здесь, но его с этим проходимцем и убийцей ничего не может связывать. Недоразумение какое-то.

Следователь включил диктофон и спросил четко и размеренно:

— С этого места, пожалуйста, поподробнее. Кто этот человек, чем занимается, где живет? Словом, все, что вам о нем известно.

О Сергее Сергеевиче мне было известно немало: его послужной список, занятия в свободное время, образование, возраст, адрес. Олехов записал все эти данные на листок и передал его сотруднице, которая подняла голову от бумаг.

— Срочно, Таня, навести о нем справки в адресном столе и по прежнему месту работы.

Я невольно всплеснула руками:

— Говорю же вам, что это просто невероятное стечение обстоятельств. Сергей Сергеевич — интеллигентный человек, знаток живописи, разбирается в искусстве. Мог бы стать видным художественным критиком, но, как он сам говорит, пошел не по той части.

Следователь был весь внимание.

— Так по какой же части он пошел?

Я ответила почти не колеблясь, без раздумий:

— Нет-нет. За него я могу поручиться. Сергей Сергеевич — сама любезность. Умный, деликатный, воспитанный. Он в свое время окончил финансово-экономический, потом — высшую партийную школу, сколько себя помню, все время работал в городском управлении культуры, потом — в комитете по культуре. Только последние года два-полтора на пенсии.

— А в искусстве разбирается. Самоучка? — спросил Олехов.

— Да, — ответила я, — он человек любознательный. Много читает. Одних альбомов по искусству у него целая библиотека. И, кроме того, он не стесняется спрашивать, чего не понимает, не боится показаться невеждой. Дру-

гие начальники, знаете, зайдут в музей и начнут щеки раздувать да пустые глаза тарашить, чтобы только умными да знающими показаться, а Сергей Сергеич всегда проявлял ко всему, особенно к нашему фонду древнерусского искусства, самый искренний интерес. Говорил, что если б были средства, стал бы коллекционером. Знаете, его суждения о наших выставках были весьма точны и глубоки.

Следователь прервал меня вопросом:

– Так в вашем фонде он часто бывал?

– Не слишком часто. Но захаживал.

– Про то, что пелена «Успение Богородицы» лежит на столе, что ее скоро упакуют и увезут в Москву на выставку, он знал?

– Да, – припомнила я, – я сама рассказала ему про выставку, когда решили, что в Москве обойдутся без меня. И потом был у нас телефонный разговор, я, помнится, так и сказала: пелена лежит на столе в фонде, осталось ее упаковать – и можно ехать.

– Значит, так и сказали... – пробубнил следователь, покачав головой.

– Да все это совпадения, – замахала я руками.

– Нельзя же подозревать всех подряд.

– Слишком много совпадений, – заметил он.

Тут подошла Тania и сказала:

– Все, что удалось выяснить по этому Ненарокову, я занесла в компьютер.

Олехов тут же уткнулся в компьютер, нашел нужный файл.

– Так-так, интересно, – снова проговорил он.

– Что интересного? – спросила я.

– В общем-то, ничего особенного, – ответил Олехов. – Интересно то, что Ненароков занимался коммерческими проектами в сфере культуры и выходил на крупные коммерческие структуры. Искал и находил спонсоров. Ушел со службы он после или в результате какой-то путаницы со спонсорскими деньгами. Вроде бы его обвинили со слов нескольких свидетелей в том, что сумма денег, указанная в договоре, и та сумма, что реально была ассигнована некоей процветающей компанией, разнятся на несколько сот тысяч. Даже проверка по этому делу была назначена, но на бумаге все было чисто и ничего не удалось доказать. То ли спонсоры отмыли и припрятали деньги, то ли сотни тысяч пристали к рукам деятелей культуры – все это покрыто мраком неизвестности. По некоторым данным,

Сергей Сергеевич не бедствует. Недавно он купил новую машину, обзавелся весьма не дешевыми полотнами местных художников, знаменитых и за рубежом тоже.

– Ну и что, – сказала я, – разве это запрещено?

– Осталось выяснить один существенный вопрос: где и когда пересекались пути и интересы Семибратова и Ненарокова?

Олехов сказал это так, словно был уверен, что так оно и есть. А мне странно было представить рядом двух таких не похожих друг на друга людей, как Олег Семибратов и Сергей Сергеевич Ненароков.

– Вот что, – проговорил Олехов, – вы идите себе домой, отдохните, а мы тут поработаем. Как только что-то выясним – известим.

Мне не хотелось уходить вот так, в недоумении и раздумье. Тем более, что я чувствовала: положение вот-вот прояснится. Но будет ли найдена пелена? Неужели она утрачена навсегда?

Тут на правах старой знакомой следователя в кабинет ворвалась Лиза. Ей, очевидно, наскучило ждать меня в коридоре, да и любопытство донимало немилосердно.

– Ну как? – спросила она, едва поздоровавшись. – Что-нибудь выяснили?

Олехов был не рад появлению настырной девицы, но я коротко ответила, какие у нас новости. Лиза задумалась, усевшись без приглашения у стола следователя на столь же потертый стул, как и мой, наморщила лоб:

– Как вы сказали фамилия того, с кем этот тип разговаривал по телефону? Ненароков? Нет, я такого не знаю. Кто он? Откуда?

Выслушав мои объяснения, Лиза замотала головой:

– Да, все это странно, но вы попробуйте поднажать на Семибратова, наверняка он вспомнит, что его связывает с Ненароковым, – посоветовала она следователю.

– Вы бы не учили меня, как надо работать, – уже с раздражением сказал Олехов, – шли бы вы, дамы, домой. И вам спокойнее, и мне сподручнее.

Однако Лиза не торопилась покидать казенные стены. Она продолжала сидеть в позе задумчивости, впериw взгляд в настенный календарь, что висел напротив нее. На листе календаря бы-

ли изображены бравые полицейские на мотоцикле и красовался призыв соблюдать правила дорожного движения. Зоя, кстати сказать, всегда соблюдала эти самые правила.

— У вас число не переведено, — сказала она, — сегодня уже тринадцатое, пятница.

Текущие дни в календаре отмечались окошечком на прозрачной полоске. Олехов перевел это окошечко на нужное число и вздохнул. Еще минута — и он погонит нас с Лизой взашей, поняла я по его напряженному молчанию.

— Да, пятница, тринадцатое... Добра не жди, — проговорил он себе под нос.

— Почему же, — улыбнулась ему Лиза, словно не замечая явного недоброжелательства, — мне, например, тринадцатого всегда везет. Я и родилась-то тринадцатого апреля.

— Завтра будет ровно две недели с того дня, как была похищена пелена, — заметила я. — Где-то она теперь? Наш директор звонил в Москву, монтаж выставки отложен. Что же теперь будет?

— Да совершенно понятно, что нужно расколоть этого Семибратова, — настаивала Лиза, — он знает, куда делась пелена.

Олехов снова заговорил о том, что нечего кому ни попадя вмешиваться в ход следствия, а Лизе пора, как говорится, и честь знать. У него, дескать, много работы.

— Как можно быть таким неблагодарным? — возмутилась Лиза. — Разве вы вышли бы на след Семибратова, если б не я?

— Знаю-знаю, — усмехнулся следователь, — у вас свой метод...

— Вот именно, — настойчиво перебила его Лиза, — и этот метод действует пока без осечек. Можно назвать его ловлей на живца. Почему бы не использовать его сейчас?

— Что же вы опять задумали, сорви-голова? — насторожился Олехов.

— Все просто. Ненароков у нас почитай на крючке. Нужно его аккуратненько — за ушко да на солнышко.

— К чему же ты клонишь? — спросила я.

— А вот к чему, — пояснила Лиза. — Вы, Ангелина Васильевна, звоните своему знакомому и как будто между прочим выбалтываете информацию о том, что Семибратов под следствием и в каталажке. Если Ненароков тут ни при чем, он не заинтересуется, а если как-то замешан в этом деле, попытается узнать подробности.

— А если он деру даст? — спросил Олехов.

— Ну, сразу не убежит, а задержать его — ваша забота.

Следователь закурил, заходил по кабинету в поисках пепельницы, нашел наконец пустую банку из-под кофе на окне. Стряхнул туда пепел, приоткрыл форточку.

— По-моему, в этом есть резон, — наконец сказал он.

— Да, — вдруг оживилась Лиза, — и действовать нужно как можно быстрее. Помните, что пелена может в любое время хоть на заплатки пойти. Ведь мы не знаем, в чьих руках она окажется. Может быть, ее уже нужно искать где-нибудь на помойке.

Сердце от этих слов у меня заныло. Видимо, я побледнела. Следователь меня успокоил:

— Не волнуйтесь, не припомню случая, чтобы столь ценные вещи валялись на помойках.

Олехов позвонил по служебному телефону и договорился о том, что за Ненароковым немедленно будет установлено наблюдение. Потом он обратился ко мне:

— Позвоните ему. Просто так, поинтересоваться, как дела. Пожалуйста, на здоровье, скажите, что обеспокоены последними событиями. Интересно, что ему известно о смерти Зои? Намекните, что пелена уже почти что найдена. Во всяком случае, похититель арестован и он сознался в преступлении. Назовите имя и фамилию подозреваемого. Посмотрим, как он на это отреагирует. Главное, держитесь как ни в чем не бывало. Говорите спокойно. Сможете?

— Смогу, — ответила я не слишком уверенно.

Лиза умоляюще на меня посмотрела:

— Ну, Ангелина Васильевна, ну пожалуйста.

Я вздохнула и спросила:

— Когда звонить? Сейчас?

Олехов только кивнул в ответ.

Я потянулась к телефонной трубке.

— Нет-нет, — сказал он, — не забывайте, вы в полиции. Вдруг да на его телефоне есть определитель номера. Звоните со своего мобильного.

Я набрала домашний номер Сергея Сергеевича и услышала его спокойный и приятный баритон:

— Алло, я вас слушаю.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич, — начала я, как мне показалось, несколько напряженно.

Но Олехов одобрительно кивнул, а Лиза улыбнулась мне.

— Здравствуйте, Линочка, — ответил Ненароков, — давненько вы не звонили мне, а я, признаюсь, хотел вас побеспокоить, да не решался, уж больно много на вашу голову всего свалилось в последнее время. Как вы, бедная?

Я ответила не сразу, сглотнула подступивший к горлу ком.

— Плохо, Сергей Сергеевич.

— Что, никаких новостей?

— Новости-то есть, — ответила я, — но вот сил у меня нет. Сдаю. Давление.

— И что же? Что говорит следователь? — продолжал Сергей Сергеевич. И со вздохом: — Да что они могут, эти следователи...

Я его перебила и вновь заговорила о своем:

— Прямо не знаю, придется, наверное, в больницу лечь. После похорон я никак в себя прийти не могу.

— Похорон? — спросил он. — Да что случилось? Кто умер?

И Лиза, и Олехов напряженно прислушивались к разговору, я включила громкую связь, заговорила быстро и возбужденно:

— Разве вы не знали? Похоронили Зою Березину, мою сотрудницу. Помните? Только она не умерла. Ее убили. Да-да.

— Кто? — я почувствовала, что Сергей Сергеевич взволнован.

— Ее знакомый, вернее бывший друг. Зовут его Олег Семибратов.

— Как вы сказали? — голос собеседника в телефонной трубке стал напряженным.

— Олег Семибратов. Его подозревают в похищении пелены. Говорят, он в этом уже признался. Если нет, то признается. Следователь говорит, что такие, как этот Олег, во всем признаются, дайте только срок.

— Он арестован, это вам совершенно точно известно? — переспросил Сергей Сергеевич.

— Задержан, и, может быть, сейчас его допрашивают. Так что нужно ждать хороших известий. А как ваши дела?

— Что? — замялся Сергей Сергеевич. — Какие у меня дела. Живу помаленьку, по-стариковски. Заходите ко мне, мы все это обсудим.

— Да, ситуация сложная, — помолчав, заметила я. — Но нам-то с вами, слава богу, волноваться нечего. Пусть следствие во всем этом разби-

рается. Как мне станет получше, мы с вами обязательно встретимся.

— Хорошо, — ответил Сергей Сергеевич. — Звоните, не пропадайте.

На этом разговор был закончен.

— Да, он явно встревожился, — сказал Олехов, — такое ощущение, простите, что ваше здоровье, Ангелина Васильевна, волнует его постольку поскольку, а вот информация о Семибратове его зацепила. Хотя человек он, видно, серьезный, покрепче Семибратова будет. Вот теперь мне есть о чем побеседовать с задержанным. Идите домой.

— Нет, — решительно сказала Лиза, — мы пождем. Можем в коридоре посидеть.

— Ладно, — нахмурился почему-то следователь и вызвал секретаря Таню. Велел нам ждать в кабинете, а ей — напоить нас кофе, а затем ушел. Кофе мы пили, дожидаясь следователя, битых полтора часа.

Олехов, появившись в кабинете с сосредоточенным видом, бросил на стол папку с документами. По нему нельзя было догадаться, дал ли какой-то результат допрос Семибратова.

— Ну что? — не выдержала Лиза.

Олехов закурил, вновь не обнаружив нигде поблизости банки, в которую стряхивали пепел.

— Извините, — обратился он к нам, — вообще-то, я почти не курю. Но как тут бросишь? Нервная обстановка.

«Все же молодой человек неплохо воспитан, — подумала я, — хотя бы в такой форме спросил разрешение закурить. От многих ничего подобного не дождешься». А Лиза начала сердиться всерьез:

— Скажите же наконец, что происходит?

— Что? — переспросил следователь. — Да то, что ваш приятель, Ангелина Васильевна, похоже, в этом деле по уши.

— Вы имеете в виду Сергея Сергеича? — спросила я. — Это Семибратов так сказал?

— Да, — кивнул Олехов, — именно так. И подробности, которые он сообщил, не оставляют сомнения в том, что на сей раз он сказал правду.

Мы с Лизой обе сочли, что имеем право знать эти подробности, и устроились поудобнее около стола Олехова, чтобы услышать обстоятельный рассказ. А рассказ этот был не

слишком-то пространным. Суть дела Олехов изложил достаточно лаконично.

По его словам, Семибратов поначалу отпирался от всего: ни о какой пелене, дескать, он не знает и к гибели Зои тоже не причастен, требовал перепроверки данных экспертиз, говорил, что все подтасовано и сфальсифицировано, кричал, что без адвоката вообще не станет отвечать ни на какие вопросы. «Короче, — заключил Олехов, — эффект как при стрижке свиньи: визгу много, шерсти мало». Следователь в ответ на истерику заявил, что адвокат будет, от бесспорных фактов никто Семибратова не отмажет, кроме того, известно с полной достоверностью, кому Олег перепродал пелену. За такую вещь можно получить немалые деньги. Около двухсот тысяч долларов. Олехов оперировал стоимостью шедевра, подтвержденной страховой компанией. Я сама уточняла эту цифру и могу за нее ручаться.

— Сколько? — спросил Олег.

Следователь, не говоря ни слова, предъявил официальное экспертное заключение, из которого следовало, что цена «Успения Богородицы» никак не меньше двух сотен тысяч долларов. Олег оторопел на минуту, а потом, по словам следователя, воскликнул: «Он же меня надул как мальчика. Говорил, что это так, просто старинная тряпка, интересная для повернутых на старине коллекционеров».

— Ну, что он еще там говорил, какими словами поливал почтенного Сергея Сергеевича, этого я вам пересказывать не буду, — заметил с иронией Олехов.

Имя Ненарокова назвал Олег. Рассказал, что впервые встретились они случайно, на банкете по случаю сорокапятилетнего юбилея одного нашего местного предпринимателя, по совместительству спонсора и депутата горсовета. Юбилей-то их и познакомил. Это событие было полгода тому назад, а то и больше. Поначалу знакомство как-то не сложилось: разница в годах, жизненном опыте, образовании между Олегом и Сергеем Сергеевичем была разительная. Они поговорили на банкете ни о чем, но визитными карточками обменялись. У Сергея Сергеевича визитка была еще старая, где значилась его прежняя должность. Олег, по его словам, смекнул, что Ненароков — человек из культурной сферы, значит, особенно полезен быть не мо-

жет. Сергей Сергеевич к тому же уточнил, что теперь он на пенсии, и интерес Олега к его персоне вовсе пропал. Однако же они перекинулись на банкете несколькими фразами, поскольку оказались рядом за столом. Так как Сергея Сергеевича отрекомендовали как знатока и любителя прекрасного, зашел светский разговор об искусстве. Олег спросил, как Сергей Сергеевич оценивает последнюю премьеру нашего драмтеатра, похвастался, что с актрисами коротко знаком, называл довольно известные имена модных музыкантов, которые якобы его друзья закадычные. Сергей Сергеевич снисходительно отнесся к невинному тщеславию своего нового знакомого. «Я завожу знакомства в иных кругах, — сказал он, — среди художников, музейщиков. Признаться, люблю старый стиль во всем. К новомодным веяниям отношусь без восторга».

Тут-то Семибратов вспомнил про музейщицу Зою Березину. Он сказал, что знает ее уже давно. Сергей Сергеевич также припомнил девушку, заметил, что слышал о ней много хорошего, и пошутил: город у нас маленький, сойдись с любым человеком — мигом сыщутся общие знакомые или знакомые знакомых. Сергей Сергеевич, насколько мне было известно, визиток не терял. Он их коллекционировал, и не напрасно. Сколько раз он мне похвалялся, что может найти выход практически на любого человека в нашем городе. Связи у него были обширные. Не думаю, что знакомство с Олегом Семибратовым было для него интересно, но визитку с телефоном и адресом он наверняка сохранил. На всякий случай.

Как развивались события в дальнейшем, можно предположить.

— По-видимому, когда Ненароков от вас, Ангелина Васильевна, узнал о подготовке московской выставки, у него и зародилась мысль о похищении пелены, — сказал следователь. — Момент, когда вещь будет находиться в фонде, на столе, а не под сигнализацией в экспозиции, Сергей Сергеевич справедливо счел наиболее удобным для кражи. Загреть жар чужими руками куда спокойнее. А тут — удача: Семибратов, у которого тоже связи в музее.

Из дальнейшего рассказа следователя вырисовывалась такая цепь событий: Ненароков позвонил Семибратову. Этот звонок был для Олега неожиданным. Сергей Сергеевич вел речь о разных

маловажных вещах, как говорят в Одессе, «вообще за жизнь». Олег чувствовал, что новый знакомый неспроста звонит, прощупывает почву. Он решил прекратить разговор под предлогом занятости. Сказал, что собирается уезжать в Израиль на постоянное место жительства, в связи с отъездом у него масса дел и он спешит на важную встречу. Такие люди, как Семибратов, не спешат устанавливать деловые контакты. Если у партнера серьезное предложение, он будет настойчив. Сергей Сергеевич настоял на встрече.

Встреча состоялась в весьма недешевом ресторане «Конечная остановка» почти за городом тем же вечером. Уют и тихая музыка располагали к неспешной и доверительной беседе. Сергей Сергеевич расспрашивал Олега о его планах на будущее, поинтересовался, чем тот собирается заниматься за границей, отчего принял решение уехать. Олег отвечал коротко, не особо вдаваясь в подробности, но любезно, ждал, когда же начнется настоящий деловой разговор. Речь меж тем зашла о финансах. Олег признался, что кое-какие деньги подкопил, но проблема есть. Если основательно и всерьез братья за дело на Западе, а он ориентируется именно на Запад, а не на Ближний Восток, то деньги нужны немалые. Слово за слово, Ненароков и выложил ему свой план. По словам Сергея Сергеевича, все было просто. Главное — выманить из фонда меня, так, чтобы Зоя осталась там одна. И тогда остается под конец рабочего дня в пятницу заглянуть к ней на минутку и стянуть со стола пелену. Поскольку Олег с Зоей коротко знаком, для него это труда не составит. Но особо рисковать не стоит. Если не удастся — значит, не судьба. Олег колебался. Миллион рублей, что обещал ему Ненароков, — куш соблазнительный. Втереться в доверие к Зое тоже дело нехитрое. Но стоит ли игра свеч?

Семибратов забросал Сергея Сергеевича вопросами. Что это за пелена? Каким образом ее удастся сбить с рук? Сергей Сергеевич ответил, что это целиком и полностью его забота. Он заверил, что есть за границей, во Франции, один милый человек, коллекционер русских древностей, эмигрант во втором поколении, уже довольно преклонного возраста, который мечтает иметь такую вещь. Его прабабка, видите ли, была златошвейкой в России. Переправить ценную вещь за кордон в своем багаже запросто сможет

некий шведский бизнесмен. Семибратов молчал. Он взвешивал все за и против. Выдержав паузу, поинтересовался, когда смог бы получить деньги, если б все сошло удачно.

«Немедленно, как только пелена будет у меня», — ответил Сергей Сергеевич. Олег потребовал гарантий и аванса двадцать пять процентов.

Тут пришла очередь задуматься Сергею Сергеевичу. «Хорошо, — согласился он, — будет вам аванс. А насчет гарантий... Мы же с вами серьезные люди. Я ведь, давая вам деньги, не веду речь о гарантиях. Достаточно вашего слова». Все же Олег настаивал на более полной информации. Что это за шведский бизнесмен? Каким образом будет переправлена пелена?

Сергей Сергеевич на это только усмехнулся. «Имен не назову, — сказал он, — верьте мне на слово». Все же ему пришлось признаться, что пелена будет переправлена в Тромсе рейсом скандинавской авиакомпании. Таможня в багаже пассажиров, особенно солидных, не роется, сделать это будет нетрудно.

«Итак, — подытожил Сергей Сергеевич, — минута смелости — и вы не знаете материальных проблем по крайней мере некоторое время. Стоит рискнуть?» Олег попросил время подумать. «Нет, — решительно заявил Ненароков, — ответ мне нужен сейчас же. А вам нужны деньги. Или вы соглашаетесь, или мы считаем, что такого разговора вообще не было. Без моей помощи вам не имеет смысла идти на такое дело, а мне без вас не справиться. Отказываетесь — просто-напросто все отменяется». И Олег согласился. Дальше все пошло как по маслу. Сергею Сергеевичу даже не потребовалось выманить меня из фонда. То, что именно в этот день мы с Енсе-ном отправились за город, — чистая случайность. Так что Ненарокову было обеспечено полное алиби. Однако вышла-таки загвоздка. Зоя поняла, кто виновник кражи. К несчастью, она не рассказала обо всем тут же мне или следователю. Она до последнего искала оправданий для Олега. Олег не скрыл от следователя, какой тяжелый разговор произошел между ним и Зоей в субботу, на другой день после кражи. Зоя плакала и умоляла Олега во всем сознаться.

Она так и не верила до конца, что он пошел на преступление сознательно и хладнокровно, воспользовавшись ее доверчивостью. Сквозь слезы несчастная девушка спрашивала, что же заста-

вило его взять со стола пелену? Она не говорила «украсть», потому что не хотела так думать. Может быть, он просто хотел пошутить и не подумал о том, что это ценнейший музейный предмет? Может, он попал в скверную историю, его вынудили так поступить? Как бы то ни было, Зоя согласилась взять всю вину на себя, если Олег вернет пелену. Она что-нибудь придумает, скажет, что припрятала вещь подальше и забыла об этом. Но вернуть пелену Олег не мог. Она была у Сергея Сергеевича. Таким образом, все пути к отступлению для Олега были отрезаны. Он попытался было успокоить Зою, твердил, что она заблуждается, что никакой пелены он в глаза не видел, но Зоя стояла на своем. Она понимала, что взять пелену со стола мог только Олег, больше никому. В конце концов, Зоина решимость Олега испугала. Он признался, что стянул пелену просто потому, что она попала ему на глаза. Взял — и все. Не думал, что это ценный предмет. Просто хотел поиграть в ограбление, а потом отдать эту вещь Зое. Он, дескать, и не предполагал, что штукавина настолько ценная, ведь ценные вещи держат под замком.

Зоя ему поверила в который уже раз, только умоляла, чтоб он как можно скорее, в крайнем случае на следующий же день, принес ей пелену. Она сказала, что иначе расскажет обо всем. Этого-то Семибратов испугался всерьез. Он понимал, что Зоя молчать не будет. Переживания бедной девушки, вовлеченной им в круговорот криминальных событий, его не слишком беспокоили. Больше заботило другое: сумеет ли он без проблем и помех покинуть страну. Дело с переездом было уже улажено.

Олег тут же позвонил Сергею Сергеевичу. Но тот даже не захотел с ним разговаривать о пелене. Обещанные деньги Олег получил. Сергей Сергеевич сделал вид, что вообще не понимает, о чем идет речь. «Пелена? — переспросил он. — Какая пелена? Запомните, Олег, ко всему этому вы не имеете никакого отношения. Никакого. А я — тем более. Проблемы с этой девушкой целиком и полностью ваши. Вы их и решайте». На этом телефонная беседа оборвалась. Олег запаниковал всерьез. В конце концов, им овладело одно только желание: любой ценой заставить замолчать Зою, ведь через какую-нибудь неделю или полторы он будет уже за границей. Девушка представлялась ему до-

садной помехой на пути к будущему безбедному существованию. Ведь все было рассчитано. Негодовал он и на Сергея Сергеевича, который втравил его в это криминальное происшествие, а сам умыл руки. Да и самого себя в порыве раздражения Семибратов называл не иначе как идиотом. План устранения Зои созрел быстро. Осуществить его оказалось совсем не так сложно. Зоя пришла на встречу в условленное место. Того, как Зоя ударилась с размаху о столб и упала с разбитым лицом, Семибратов, по его словам, не видел, так как шел снег и фонари не горели. Крика или стоны жертвы он тоже не слышал. Только потом он понял, что Зоя и не кричала вовсе.

— Я иногда шажу преступников, — признался Олехов, — не сообщаю им всех ужасных деталей того, что они натворили. Иные, знаете ли, переживают... А этого шадить не было никакого желания. Ему я сказал, что Зоя от удара сломала шею и умерла практически в одну минуту. Спасти ее было нельзя. Не думаю, что Семибратов точно рассчитал свои действия. Для Зои все вполне могло кончиться просто переломами или даже ушибами, если б не этот злополучный столб.

— Очевидно, в трусливом раздражении, действуя почти интуитивно, человек бывает иногда более расчетлив, чем если б он шел на дело спокойно и сознательно, — заметила я.

С Олегом Семибратовым все было ясно: гнусный тип. Но как мог Сергей Сергеевич замыслить и осуществить такое преступление? Откуда у него хладнокровный цинизм, расчет, откуда такое корыстолюбие? Ведь казалось, когда он смотрел на картины старых мастеров или иконы, что он всей душой там, в этом призрачном и блистающем мире, изображенном художниками. В этом мире нет и не может быть ни корысти, ни лицемерия. Когда он притворялся и когда был искренним?

Олехов, рассказав нам о том, что ему поведал Олег, замолчал, задумался:

— Вы не хотели бы побеседовать с этим Семибратовым? — спросил он меня. — Могу устроить вам очную ставку, заодно и вспомните, не заходил ли он когда при вас на работу за Зоей.

Я покачала отрицательно головой:

— Не хочу я его видеть. А вот встретиться с Ненароковым я бы хотела. Просто затем, чтоб ему

в глаза посмотреть. Неужели нет никаких сомнений в его виновности?

— Никаких, — подтвердил следователь.

В это время к нам подошла помощница Олева Татьяна. Она сообщила:

— В Лулео был рейс на прошлой неделе... — Я поняла, что речь идет об авиарейсе скандинавской компании. — ...Ни один шведский бизнесмен им не летел. Летели только наши рыбаки, сменный экипаж траулера, хоккейная команда да так, по мелочи, несколько профессоров нашего университета и студенты по обмену. Следующий рейс вылетает через два часа. Несколько бизнесменов купили на него билеты. Таможня уже сориентирована. Пограничники и полиция тоже.

— Нам остается Бога молить, чтоб «Успение Богородицы» не переправили за границу раньше, — воскликнула Лиза.

— Вы думаете, что Сергей Сергеевич сказал Семибратову правду? — спросила я следователя.

Тот задумался.

— Во всяком случае, Семибратов, по-моему, не лжет. И будь я на месте этого Сергея Сергеевича, не вижу причин, почему бы мне не воспользоваться этим рейсом. Беспосадочный. Компания иностранная. Контроль багажа в аэропорту почти формальный. Во всяком случае, есть резон направиться в аэропорт. Вдруг да среди пассажиров есть старый знакомый Ненарокова?

Лиза была готова мчаться в аэропорт вместе со следователем, но он на этот раз решительно заявил:

— Нет, отправляйтесь обе домой. Тем более что я опасаясь, как бы ваш жених, Лиза, не стал вас ко мне ревновать. Вы за мной буквально по пятам ходите.

Лиза в ответ только хмыкнула недовольно, дескать, глупости, при чем тут ревность? Однако Олев был непреклонен, и нам пришлось идти домой. Я молчала, но нервы мои были напряжены до предела. Как добрались мы до дома — я уж и не помню, такое испытывала волнение, казалось, была натянута, словно тетива лука, все внутри дрожало и вибрировало. Лиза тоже была словно наэлектризованная. Саня и Катюшка встретили нас дома хмуро. Наверное, им было обидно, что в центре событий оказались не они, а мы с Лизой, хотя их

вклад в раскрытие двойного преступления был велик. Саня, разумеется, потребовал, чтобы мы отчитались, что происходит, есть ли подвижки в расследовании. Выслушав сбивчивый рассказ Лизы, он нахмурился.

— Вот увидите, пелену непременно найдут, — обрадовалась Катерина.

Саня покачал головой:

— Как знать, во всяком случае, надежда есть. Этот следователь, по-моему, знает, что делает.

Лиза с жаром согласилась с ним:

— Да, я ему верю.

Саня посмотрел на нее неодобрительно и сморщился. Он всегда морщился, когда хотел сказать что-то неприятное собеседнику. Слово вместо сахара вдруг лизнул соль.

— Я смотрю, вы с этим следователем хорошо спелись за время расследования. Я тут оказался вроде как и ни при чем.

Лиза покачала головой и ответила тоном, каким разговаривают с обиженным упрямым ребенком:

— Расследование скоро кончится. Следователю мы будем не нужны.

Саня замолчал и надулся, а Катюшка воскликнула:

— Ну и дурак же ты!

Я напряженно продолжала думать о том, насколько причастен к исчезновению пелены Сергей Сергеевич. Неужели это он организовал похищение?

— Послушайте, быть может, позвонить этому... Зоиному приятелю, который работает в таможне, — сказала Лиза. — Официальные каналы — это одно, а такая ориентировка тоже может помочь. К тому же он человек заинтересованный.

— Не знаю, — с сомнением ответила я, — стоит ли?

— Я считаю — стоит, — уверенно заявила Лиза, Саня с ней согласился.

До Андрея мы не дозвонились. Его рабочий телефон был занят. Я решила позвонить Николаю, Марининому мужу. Он тоже таможенник и наверняка знает в своем учреждении все ходы и выходы. Николай оказался на месте и взял трубку телефона, четко представившись по фамилии, как это у них положено. Я коротко рассказала о последних событиях. Что касается таможни и предполагаемого бизнесмена, который собирался провезти пелену, я не упустила ничего,

изложила факты со всеми подробностями. Важна была каждая деталь. Николай выслушал меня и проговорил:

— Понятно. Дело действительно интересное. Буду вас держать в курсе.

Он пообещал позвонить сразу же, как только что-то станет известно.

Пока я разговаривала по телефону, Лиза пошла на кухню, чтобы отварить пельмени и поставить чайник. Только тут я почувствовала, что невероятно хочу есть. Не успели мы пообедать, как раздался телефонный звонок. Я схватила трубку и узнала голос следователя Олехова:

— Ангелина Васильевна, — проговорил он совершенно спокойно, — не могли бы вы срочно приехать в аэропорт? Машину за вами пришлют.

— Конечно! — воскликнула я. — Что случилось?

— Узнаете, — ответил следователь и положил трубку.

Через несколько минут позвонил Николай.

— Лина, — радостно возвестил он, — пляши, пелена у нас.

В аэропорт мы с Лизой мчались на всех парах. Лиза постоянно подгоняла шофера:

— Ну скорее же, скорее!

Я тоже сидела как на иголках. Мы подкатили к аэровокзалу и помчались на пункт пропуска международных рейсов. Там нас подждал Николай.

— Так скоро? — удивился он.

— Рассказывай же! — вместо приветствия воскликнула я, едва переведя дух.

Лиза добавила:

— Да не томите же! Где пелена?

Николай спокойным тоном со своей всегдашней полузастенчивой-полуироничной улыбкой проговорил:

— Да чего уж там. Зачем теперь спешить? Теперь уж дело сделано. И знаете, кто у нас герой дня? Кто пелену эту вашу задержал? Андрей Переславцев — вот кто. Теперь ему за это благодарность, премия и все такое.

Николай продолжал с довольным видом улыбаться в усы. Мы молчали, ожидая подробного рассказа. Он же, вот тихоня, достал сигареты и зажигалку из кармана и прикурил не спеша.

— Зажигалка ни к черту, — помахал он рукой, чтоб сигаретный дым рассеялся. — Надо заменить.

— Ты о деле рассказывай! — выкрикнула я.

— Да — о деле... — неторопливый таможенник вновь затянулся сигаретой.

Не представляю, как его Марина терпит. В домашнем быту такой увалень просто несносен. Пока от него толку дождешься, изнервничаешься до ужаса. Такому только контрабандистов и ловить. Он их, надо полагать, измором берет.

— А дело было так... — проговорил он наконец. — Андрей-то чего тут оказался? В своем отделе он чего-то напорточил. Сроки, что ли, пропустил, документы не так оформил. Вот его по ротации и шуганули в аэропорт, с понижением в должности. Хорошо еще, что вовсе из таможи не поперли. А тут — такой фарт. Отличился парень.

Наконец удалось выведать у Николая подробности.

Оформляли рейс в Лулео. Поначалу шла обычная рутинная работа. Пассажиры были все солидные, багажа немного. Несколько финских и норвежских бизнесменов и коммивояжеров, научная делегация, отправляющаяся на симпозиум, наши студенты, что учатся за границей по обмену. Словом, публика как публика. У таможенников пост в аэропорту считается сравнительно тихим местом. Особых проблем тут обычно не возникает. Багаж досматривается больше для проформы при помощи рентгеновских аппаратов, которые просвечивают содержимое чемоданов. Грузов почти никаких. Челночники предпочитают везти свои тюки и баулы из-за границы поездом. В чемодане солидного шведа, который по делам побывал в Санкт-Петербурге и у нас, не было ровным счетом ничего подозрительного, если судить по тому, что высветил аппарат: рубашки, выходные туфли и костюм, кроссовки и спортивная одежда. Очевидно, господин совершал пробежки и в командировках. Обычно иностранцы везут от нас какие-то сувениры: разные безделушки из кости, берестяные туюски, вышитые скатерти. У этого гостя нашего города ничего такого с собой не было. Даже водки. А уж бутылочкой-то сорокаградусной нашего разлива господа предприниматели не брезгают, особенно ценится водка, настоящая на травах, в оригинальной упаковке. В основном из-за нашего традиционного напитка и случаются инциденты на таможенном посту. Единственное, что вызывало хоть какое-то подозрение в багаже шведского гостя, — это бал-

лончик, упрятанный на дно чемодана. По всей видимости, с дезодорантом, но, могло статься, и газовый. Андрей спросил — его собеседник, как оказалось, неплохо говорил по-русски — что это за баллон. Швед подтвердил, что это всего лишь дезодорант. Не то чтобы Андрей засомневался, да и швед держался совершенно спокойно. Однако это спокойствие и показалось таможеннику несколько наигранным. «Разрешите взглянуть?» — полюбопытствовал Андрей. Швед быстро приоткрыл чемодан, извлек оттуда баллончик с дезодорантом и продемонстрировал его Андрею. Чемодан закрывался на кодовый замок, чтобы не открывать его вновь, пассажир положил дезодорант в карман кожаного плаща. «Зачем же? — спросил Андрей. — Ведь это неудобно. Вы положите баллончик в чемодан». Швед только махнул рукой и намеревался было пройти через турникет. Андрей насторожился всерьез. Неужели в планы этого солидного и аккуратного господина не входило открывать чемодан и демонстрировать его содержимое? Будь швед просто каким-нибудь рассеянным с улицы Бассейной, он мог бы чисто механически сунуть дезодорант в карман, а у этого вальяжного делового господина на лице написано, что он все делает четко и осмысленно. Слишком уж не вязался этот жест со всем его обликом. «Вы хотите посмотреть чемодан? Я хочу сказать — внутри? Я правильно понял? — растягивая слова, сказал он. — Но ведь времени уже мало. Я боюсь не успеть». «Ничего. Самолет без вас не улетит», — ответил Андрей и жестом попросил раскрыть чемодан. Иностранец сказал: «Пожалуйста, но здесь ничего нет», — и откинул крышку.

Пелену Андрей обнаружил в пакете, в который была аккуратно упакована пижама. Между брюками и курткой и лежал бесценный экспонат нашего музея. К счастью, я рассказала Андрею, как выглядит пелена, даже фотографию показала, поэтому он узнал ее сразу. Швед начал объяснять, что это вещь не его. Пелену просили передать при встрече одному его парижскому знакомому. Она, дескать, просто семейная реликвия. Другой ценности не имеет. Нечто вроде дамского рукоделия, интересного как память о родственниках некоего эмигранта из России, постоянно проживающего в Париже. Трогательную историю шведский предприниматель поведал не толь-

ко Андрею, но и подоспевшему следователю Олехову. На рейс скандинавской компании незадачливый господин опоздал и грозил таможенникам, полиции, всему свету, что он найдет на всех управу. Тут появилась и я.

Олехов обратился ко мне весьма официально: — Гражданка Одинцова, готовы ли вы опознать пропавшую из музея вещь?

Дыхание у меня в горле сперло от волнения.

— Господи, неужели и в самом деле нашли? — только и могла я выговорить, глядя то на незнакомого господина, с раздраженным и хмурым видом стоящего поодаль, то на Олехова, то на Андрея, который улыбался мне, как заговорщик.

— Алле-гоп! — воскликнул он и развернул на столе пелену.

Мне и одного взгляда было довольно, чтобы убедиться: это действительно она, красавица наша. «Успение Богородицы».

Я, не в силах вымолвить и слова, только кивнула в ответ на безмолвный вопрос.

— Вы убеждены, что это действительно та вещь, что была похищена из фонда музея? — строго уточнил Олехов.

— Да боже мой, конечно! — ответила я и взяла в руки пелену.

Она ничуть не пострадала. Очевидно, ее не доставали без нужды из пакета и не держали на свету.

— Какие основания у вас так утверждать? По каким признакам вы определили идентичность вещи? — бесстрастно допытывался следователь.

— Я знаю эту пелену, как свою ладонь, — сказала я не сразу. — Опознать ее я могла бы и на ощупь, и даже по запаху. Я столько раз разглядывала каждый стежок, изучая манеру мастерицы, что ошибиться не могу.

— Мы проводим следственные действия, — тем же тоном проговорил следователь, — поэтому говорите по существу.

— Хорошо, — согласилась я и протянула ему пелену, — я вам назову отличительные признаки этой вещи, а вы проверьте.

Все напряженно молчали.

— Видите фигуру Богородицы в центре композиции? — начала я. — В последнем ряду — двенадцать стежков золотой нитью, седьмой закреплен с обратной стороны, в первом ряду — десять стежков, второй и четвертый мелкие. С из-

наночной стороны в правом верхнем углу — след сосновой смолы.

— Достаточно, — перебил меня следователь. — Можно считать, что дело закрыто.

Глава четырнадцатая

Вот так наш музей вновь обрел пелену «Успение Богородицы».

Выговор в приказе мне все же был объявлен «за безответственное отношение к своим обязанностям». Надо же кого-то наказать! Однако в Москву на выставку меня тем не менее отправили. В коллективе пошли упорные толки, что по справедливости нашу реликвию столичным зрителям должна представить именно я, раз уж я так активно участвовала в ее поисках. Директор Пал Саныч не мог игнорировать общественное мнение, к тому же он понимал, что выговор в приказе далеко не справедлив. Пал Саныч ходил задумчивый. Он вдруг стал чрезвычайно раздражительным и одновременно сговорчивым. Он имел все основания опасаться и за свое будущее: ведь до недавнего времени наш директор был с Сергеем Сергеевичем Ненароковым, попавшим под следствие, в наилучших отношениях. Выходит, он, руководитель, сам пустил козла в огород. Пал Саныч всеми силами отрещивался от былой дружбы с Ненароковым и вообще счел за благо сделать все от него зависящее, чтобы о похищении пелены как можно скорее было забыто. Разумеется, со всеми сотрудниками руководство срочно налаживало взаимопонимание. Он вызвал меня и сказал весело и приветливо:

— Я все же решил, что вы непременно должны поехать в Москву.

Тон был такой, как будто он давно и безуспешно уговаривал меня отправиться в командировку, а я отказывалась.

— Ведь никто лучше вас ваш фонд не знает, — отпустил он мне комплимент. — Так что собирайтесь, времени осталось два дня.

Кроме меня и Пал Саныча, Серафима Петровна тоже поехала в Москву. Каким образом нашлись деньги на мою командировку, бог весть. Да не такие уж это и большие деньги. Директор не раз меня многозначительно предупредил:

— Очень прошу, об истории с кражей не распространяйтесь. Это ведь в наших общих интересах. Однако выводы сделайте.

Ларс Енсен позвонил мне уже после того, как дело с пеленой окончательно прояснилось и вопрос с моей поездкой был решен.

Мы с ним бродили по вечерней пустынной набережной, погода стояла промозглая, осенняя. Листья с берез облетали от резкого ветра желтым дождем. В аллее, где мы присели на скамейку, никого не было. Только слышались звуки проезжающих по соседней улице машин. Что-то разладилось, надорвалось в наших отношениях с той недалекой поры, когда Ларс показывал мне свои картины.

Он сказал, что несколько раз звонил мне, но дозвонился не сразу.

— У тебя были проблемы, я знаю, — проговорил он.

Я кивнула.

— Теперь-то, надеюсь, можно вздохнуть с облегчением? — спросил он.

— С облегчением, — поправила я.

— Конечно — с облегчением, — повторил он по слогам трудное слово.

Я хотела было рассказать, как и чем закончилась детективная история и кто оказался виновным в двойном преступлении, но Ларс перебил меня:

— Знаешь, мне не совсем интересно, кто во всем виноват и уж тем более — какое ему будет наказание. Главное, что с тобой все в порядке.

Прогудел катер на реке, ветер шумел в ветвях на какой-то заунывной ноте.

— Жаль, конечно, что все так получилось, — не сразу проговорил Ларс.

— Что? — уточнила я.

— Эта неприятность с исчезновением этой старинной вещи... Она называется...

— Пелена, — подсказала я.

— Да, — Ларс помрачнел и замолк на мгновение.

— Я понимаю, как это для тебя было важно, — наконец тихо проговорил он.

Я не ответила. Говорить про то, как была найдена пелена, не хотелось ни мне, ни ему, но и молчать об этом было невозможно. Ларс наконец с усилием проговорил:

— Со мной разговаривал следователь. Молодой совсем человек, очень спокойный. Сказал... — и вдруг он умолк.

— Что же сказал следователь? — спросила я, глядя вдаль, на реку.

— Да это не важно, — Ларс махнул рукой. — Он задал мне много вопросов. Он спрашивал про тебя. Я понял, что он подозревает во всем меня. Да-да! Он думал, что это я устроил кражу в музее. А с тобой познакомился, чтобы обокрасть музей. Это было... — он дольше обычного искал нужное слово. — Несправедливо.

— Несправедливо, — согласилась я, — но у следователя работа такая. Он всех подозревал. И меня в первую очередь.

— Да, у него работа такая, — как эхо, повторил Ларс.

Вновь — зябкий звук ветра в верхушках деревьев и гудок буксира на реке. «Совсем скоро река станет, — почему-то подумалось мне, — зима на пороге».

— Но я не о том, — вдруг горячо и быстро заговорил Ларс, — ты тоже подозревала меня. Иначе бы ты не рассказала следователю таких подробностей наших разговоров, которые имеют отношение только к нам. К нам двоим. Ты подумала, что я просто тебя использовал. Ты мне не доверяла.

Ах, никогда мне не было так досадно. И досадовала я на нелепое стечение обстоятельств. Стучилось же так, что мое знакомство с Ларсом совпало с кражей пелены! Досадовала я и на себя. Да, действительно, Ларс прав: сомнения, пусть и подспудные, до последнего не давали мне покоя. Во мне звучали с равной силой два внутренних голоса. Один твердил: «Ларс не может быть виноват ни в чем», а другой утверждал обратное, настаивал: «Взгляни в лицо правде. Сопоставь факты. Не будь душой». Вот я и побоялась быть душой.

— Извини, — только и могла сказать я. Возразить было нечего.

— Я понимаю, — Ларс развел руками. — Кто бы на твоём месте повел себя иначе? Ведь мы знакомы очень мало. Как у вас говорят, без недели год.

— Без году неделя, — поправила я уже привычно.

Ларс улыбнулся одними губами:

— Без году неделя. Такого быть не может. У вас все идиомы неправильные, нелогичные. Наверное, оттого что вы сами нелогичные. Но в случае с этой кражей ты была логичной. Ты все сделала правильно.

Это прозвучало как упрек.

— Ты рассуждала, как положено в таких случаях, вот и все. О, я не умею этого объяснить. Ты просто не увидела, какой я на самом деле, — Ларс умолк, не найдя нужных слов.

— Разве это можно, увидеть человека с первого взгляда? — спросила я растерянно.

— Можно, — убежденно ответил Ларс, — я же тебя увидел. Помнишь, я тебе сказал, что ты похожа на Богородицу, как ее рисуют на ваших иконах. Это правда. Только с первого взгляда и начинаешь по-настоящему доверять человеку. Уже потом убеждаешься, что был прав. Или ошибся. О, я говорю длинно, не очень понятно, так?

— Нет, почему, — возразила я, — все понятно. Ты прав.

Я опустила глаза. Ларс смутился своей горячностью и в раздумье пожал плечами. Затем он сказал по-прежнему мягко и размеренно.

— Я просто не могу взять чужое. Это у меня с детства. Есть люди, которым противно есть жареный лук. Мне противно воровать, — признался Ларс, даже слово это «воровать» он произнес с видимым отвращением. — Если хочешь знать, в бизнесе я преуспел благодаря этому своему качеству. Мой шеф, руководитель компании, всегда говорил: «Ошибешься на миллион — ничего, с кем не бывает, украдешь на копейку — прощенья не будет».

От реки поднимался туман. Стало совсем темно и сыро. Ощущение неуютно, разлитое кругом, в напряженном молчании стало физически ощутимым.

— Кстати, шеф лично прислал мне меседж по электронной почте. Просит меня возглавить наше представительство в Тромсе. Там сосредоточены основные производственные мощности компании.

— Это повышение? — спросила я.

— Наверное, да.

— Тогда нужно соглашаться.

Вновь молчание. Мне подумалось, что Ларс вот сейчас поблагодарит меня за совет и попрощается навсегда.

— А ты? — спросил он. — Ты поедешь со мной? Решать нужно быстро. Времени очень мало. Скажи, какое твоё решение, и я завтра же начну хлопотать о том, чтоб оформить документы.

— Какие документы? — спросила я, вставая со скамейки.

— Прежде всего, нужна виза, это ведь в один день не делается, — пожал плечами Ларс и тоже поднялся.

— А как же живопись? — напомнила я ему. — Ты ведь хотел поселиться в деревне, в маленьком домике, чтобы ни от кого не зависеть и писать картины. Ты говорил, что твоя работа тебе не по душе.

— Все не так просто, — ответил Ларс после секундного размышления. — Поменять жизнь — это совсем не то же, как съесть пончик за чаем. Зарабатывать в несколько раз меньше? Думаю, я к этому не готов. Тем более, когда предлагают много.

— Да, я знаю, что такое, когда не хватает денег... — ответила я в раздумье.

— Ты меня понимаешь, — Ларс со смущенной улыбкой развел руками. — Все-таки работа дает стабильность — это главное в жизни. А картины, природа... Что ж, должно же быть у человека хобби.

И тут я почувствовала, что он начинает сердиться.

— У тебя плохая манера не отвечать сразу на мои вопросы, — проговорил он строго и спокойно. — Ты едешь со мной в Тромсе?

Тогда я ответила, что еду в Москву. На выставку.

— Хорошо, я тебе позвоню, — сказал Ларс.

А через два дня я уехала в Москву. Я позвонила Ларсу, чтобы попрощаться. Долго и путано

объясняла, что я готовила эту выставку полгода и не могу ее не увидеть.

Я знала, что он скажет:

— Что ж, если это для тебя так важно — поезжай.

Когда я вернулась домой, он уже уехал к себе в Тромсе. Стояло уже самое предзимье, холодное, неуютное.

На Новый год Ларс прислал мне короткое вежливое поздравление. Написал по-английски, что желает много-много счастья и больших успехов. Я надолго задумалась, что ему ответить. Поздравить с нашим Рождеством? В Норвегии его не отмечают. Написать обстоятельное письмо, чтоб он меня понял и не обижался. Но что писать?

Что в круговерти дел я вспоминаю о нем? Что готовится новая, теперь уже международная, выставка из моего фонда? Что ухоженный провинциальный Тромсе мне кажется далеким, почти таким же сказочно-пряничным, как уютный городок, изображенный на рождественской открытке, что прислал Ларс? А главное, как объяснить, что же держит меня, не дает сделать решительный шаг и оказаться в одночасье в иной, пусть спокойной и благополучной, но чужой жизни?

Без Сани. Без Лизы. Без Катюшки. Без «Успения Богородицы» на обычном месте в музейной витрине. Без всего, что настолько знакомо и дорого, что почти и незаметно.

□

Ирина Владимировна КОСОПАЛОВА

окончила Архангельский педагогический институт.

Работала библиотекарем, редактором в издательстве,

журналистом в областной газете «Правда Севера».

Как прозаик публикуется впервые.

Живет в Архангельске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

